

МИССИЯ ВЫПОЛНИМА

ЕВГЕНИЙ
ТАГАНОВ

О ЛИЧНОЙ
ЖИЗНИ
ЗАБЫТЬ

Миссия выполнима

Евгений Таганов

О личной жизни забыть

«ВЕЧЕ»

2018

Таганов Е. И.

О личной жизни забыть / Е. И. Таганов — «ВЕЧЕ»,
2018 — (Миссия выполнима)

ISBN 978-5-4484-8778-1

Ему исполнилось тринадцать лет, когда погибли его родители и Санька узнал, что те были вовсе не простыми коста-риканскими гражданами, а российскими шпионами. Вывезенный нелегально в Москву, он попадает в закрытую школу-интернат для детей разведчиков, мечтая вернуться на Запад. Но лето, проведенное в деревне у родной бабушки, смягчает его характер. Шесть лет спустя Александр уже студент одного из московских вузов. Он упорно отказывается стать рыцарем плаща и кинжала. Но сила обстоятельств ставит его перед выбором: смерть от идущих по пятам оборотней в погонах или государева служба и новая жизнь под другой фамилией...

ISBN 978-5-4484-8778-1

© Таганов Е. И., 2018
© ВЕЧЕ, 2018

Содержание

Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	15
Глава 6	18
Глава 7	21
Глава 8	23
Глава 9	26
Глава 10	27
Глава 11	30
Глава 12	32
Глава 13	35
Глава 14	38
Глава 15	40
Глава 16	42
Глава 17	45
Глава 18	48
Часть вторая	50
Глава 1	50
Глава 2	53
Глава 3	55
Глава 4	58
Глава 5	59
Глава 6	62
Глава 7	65
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Евгений Таганов

О личной жизни забыть

© Таганов Е.И., 2022

© ООО «Издательство «Вече», 2022

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2022

* * *

Часть первая

Глава 1

«Я, Ирина Васильевна Копылова, обязуюсь до совершеннолетия своего сына Александра никогда не говорить с ним на русском языке, а также никаким другим способом не сообщать ему о его истинной национальности и месте рождения...»

Все так! Именно так! Абсолютно так!

Она смотрит на спину упаковывающего вещи мужа, а сама едва удерживает возле себя годовалого Санька, чтобы он не лез помогать папе.

Выходила замуж за дипломата, а вышла за шпиона.

У Сержа не затылок, а настоящий радар. Уже оглядывается с готовым ответом на ее непроизнесенный вопрос.

– Ты же знаешь, это было обязательное условие его с собой брать.

Конечно, она это знает. Но Санек еще совсем кроха. А если по дороге элементарно пропадет? Лететь-то через страны и континенты. Сейчас ответит и на это, он же чертова смесь телепата с экстрасенсом. И точно – снова поднимает свой резной ястребиный лик и безмятежно роняет:

– А я уверен, что он за всю дорогу ни разу и не чихнет.

Хочется крикнуть ему, что четырнадцать часов перелета через океан – это не его спецназовские пробежки по тридцать километров. Ей-то не знать – сколько раз в детстве с родителями моталась из Москвы в Гавану и обратно.

– Не чихнешь же, правда, Александр Сергеевич? – обращается он к малышу.

Тот лишь широко ему улыбается и начинает мычать и вырываться, желая попасть в отцовские руки.

– К папе нельзя. Папа еще не все свои шпионские прибамбасы уложил, – успокаивает сына Ирина.

Сергей смотрит неодобрительно.

– Ты точно где-нибудь так и выдашь стране углия.

А за окном между тем один из последних советских триумфов – Олимпиада 1980 года. Москва на добрую четверть опустела, всех неугодных и сомнительных на три недели под различными предлогами выселили из столицы, зато те, кто остался, сполна получают свою порцию возбуждения, азарта и новых впечатлений.

Квартира Копыловых служебная, казенной является и ее мебель, а это означает, что на особый комфортный домашний прием здесь не мог рассчитывать ни один гость. Впрочем, гостей у Копыловых за три месяца обитания в этой московской хрущевке с румынской стенкой и югославским мягким гарнитуром не было ни разу. Да они сами здесь как инопланетяне. Вон по цветному «Горизонту» вовсю соревнуются легкоатлеты, а они, оба страстных любителя спорта, никак не могут, даже если захотят, сосредоточить на них свои взгляды и понять, что там происходит.

Все объяснялось просто: супруги Копыловы вместе со своим чадом готовились к выезду за границу, где должны были дважды сменить свою фамилию сначала на Рубио, а затем на Гонсалес и, проделав тщательно разработанный маршрут через Испанию и Аргентину, осесть в самом спокойном и цивилизованном месте Центральной Америки – на Коста-Рике.

– Ну что, Санечка, мой Санек, последний раз называю тебя Саней, а дальше ты у меня только Александро, друг Санчо, – приговаривала Исабель Гонсалес, она же Ирина Копылова.

Ее благоверный Карлос, оставаясь пока еще в миру Сергеем Копыловым, снова застриг сверхчувствительными ушами.

– Можно еще Алексом. Они там уже все давно прогнулись под янки. Будет нормально.

– И вырастешь ты тогда таким же хулиганом, как Алекс из «Заводного апельсина». –

Сердитая спина мужа послужила ей красноречивым ответом.

Так все-таки промахнулась она или нет, выйдя за этого владимирского мачо замуж? Ведь вся их поездка, в самом деле, с ее «категорического одобрямыс». Из МГИМО ведь попадали не только в посольства, но и в журналисты-международники, в аппарат ЦК, даже в председатели немецкого колхоза в Казахстане. Проторен путь был и на ТВ с Радиокомитетом. Серж же выбрал то, что выбрал: дополнительную подготовку в разведшколе. А все благодаря его исключительному музыкальному слуху, позволявшему ему в произношении испанских слов ничем не отличаться от природных носителей языка. Даже у нее, у Ирины, шесть лет проучившейся в кубинской школе для детей фиделевской номенклатуры, и то бывают огрехи в языке. Как-то кстати пришлось ко двору и ее собственное образование программиста ЭВМ. Разумеется, до американских компьютеров ей как до Луны, но принцип действия у этого «железа» все равно один и тот же, поэтому и она там сможет на что-то сойти, решили там, наверху. Вот так и подобрались они – шерочка с машерочкой – для бесконечно долгого нелегального пребывания в Новом Свете. «А подразню-ка я его еще разок!»

– Как ты думаешь, на сколько все же мы туда едем?

– На семнадцать лет.

Точность ответа ее озадачила.

– Ты раньше этого не говорил.

– Сама же обозначила срок в своей расписке: до совершеннолетия Алекса.

А ведь верно. И вдруг ее кольнуло в самое сердце с неожиданного бока. Она представила своего уже выросшего «там» сына, которому придется сообщить, что он не только уроженец, но и верный патриот «империи зла». Об этом ей как-то прежде не приходилось задумываться. Ой-ля-ля! Что же это такое будет?!

Глава 2

То ли слишком их хорошо готовили, то ли ангел им был в дорогу, то ли все таможенники и пограничники повсюду отмечали какой-то свой День доверия, но весь их кружный самолетный путь прошел без сучка и задоринки. В Мадриде молодую семью встречало тропическое солнце, в Буэнос-Айресе пасмурный зимний дождь, а в Сан-Хосе легкий ветер, быстро переросший в замечательный тайфун, отвлекший всеобщее внимание от бледнокожих «аргентинцев».

Оглядевшись с недельку по сторонам, Карлос открыл мастерскую по дизайну апартаментов, благо что кроме липового аргентинского диплома по этому делу у него имелся свой отменный вкус, детская изостудия за плечами и опыт работы маляром-штукатуром в студенческие годы. Однако, как оказалось, кругом было немало других умельцев-отделочников, поэтому на объявления в газетах пришлось истратить почти все их подъемные деньги, прежде чем в проеме крошечного офиса мастера Гонсалеса нарисовался первый клиент.

С трудоустройством Исабель вышло еще сложнее. Наняв для Алекса няню-мулатку, она попыталась устроиться каким-либо делопроизводителем. Но все закончилось парой увесистых оплеух чересчур любезным боссам, и сеньора Гонсалес превратилась в стационарную домохозяйку. Так мужу и сказала:

– Обеспечивай давай нам с сыном райскую жизнь, а мы тебя за это еще и пилить будем.

– Мы с тобой, кроме всего прочего, еще и армейское подразделение, – отвечал ей на это муж. – А в армейском подразделении главный враг – это праздность. Стало быть, мне все равно необходимо загружать тебя простой солдатской службой по темечко.

И он загружал: заставил проштудировать три книги по бухучету, купил ей самый простенький компьютер и каждый день приносил стопки местных газет, по которым обязал Исабель составлять картотеку на всех окружающих политиков и общественных деятелей. По идее последнее он должен был делать сам, но зачем перетруждаться, когда рядом есть склонная к послушанию жена.

– А ты чем тогда будешь заниматься? – пробовала она возражать.

– А мой долг как настоящего альфа-льва лежать в гамаке, ковыряться в носу и мал-мало думать.

Разумеется, никакого такого вальяжного гамака у Карлоса и близко не было. Кроме потогонной официальной работы существовала еще тотальная настороженность, которую все время приходилось скрывать, и необходимость постоянно совершенствовать свою шпионистость: наблюдать, анализировать, делать выводы. Тот тренаж, что он прошел в разведшколе, помогал лишь отчасти, во многом приходилось действовать по наитию. Один вопрос, до какой степени нужно влияться в окружающее общество, чего стоил. И где та грань между заискиванием и напыщенной независимостью с окружающими? И насколько можно впускать чужаков в собственный дом? Или как оградить себя от назойливого панибратства коллег и знакомых?

Неожиданностью было обнаружить в местной среде обитания некий карантин, когда должно было пройти какое-то время, чтобы окружающие хоть чуть-чуть приняли их в свой круг, простив и привыкнув к некоторым странностям поведения «аргентинской четы».

– Здесь, кроме самого дешевого чтива, никто ничего не читает, – жаловалась Исабель. – Кажется, такая мелочь, а безумно раздражает.

– А как они умудряются еще и на балет не ходить?! И в филармонию ни ногой! – посмеивался над ее претензиями муж. – Если будешь на этом зацикливаться, станет совсем невмоготу. Давай просто выше ценить то, что есть. Будем костариканцами больше, чем сами костариканцы.

Сильнее же всего их донимала жара. Пока они не научились бороться с ней с помощью обыкновенного будильника. Если вставать не в восемь, а в шесть каждое утро, то к одинна-

дцати-двенадцати, до первой волны обжигающего воздуха, можно было успеть сделать массу вещей. Точно так же, если пораньше выползать и после полуденной сиесты. От ночной же духоты спасались, ставя возле постели тазик с водой и каждые два-три часа смачивая в ней простыню, которой укрывались.

Зато заблокировав в своем сознании подобный негатив, они обнаружили вокруг немало замечательных вещей. Треть территории этого тропического государства величиной с Эстонию составляли редкой красоты природные объекты: вулканы-трехтысячники, белопесчаные морские пляжи двух океанов, национальные парки, водопады и реки. И подобно тем петербургским семьям, у которых за правило каждые выходные посещать какой-либо музей или выставку, Гонсалесы приспособились каждый уикенд посвящать тому или иному побережью, тому или иному потухшему вулкану или крокодиловой ферме.

Не меньшим увлечением для Карлоса явилась и сама его легальная работа, где тоже редко встречалось однообразие. Первое время он, правда, хватался за что угодно, не чурался даже сам брать в руки мастерок и электродрель, однако вскоре статус кустаря-одиночки стал его тяготить и захотелось перейти в другую предпринимательскую категорию.

Дизайнерская отделка жилья в то время в Сан-Хосе выглядела чем-то почти неприличным: приходит чужой дядя и предписывает, в каком именно антураже тебе нужно жить. Гораздо достойнее считалось проявить свое собственное представление о начинке семейных гостиных и спален. Поэтому все усилия Карлоса привить эстетическое чувство своим малообразованным заказчикам долго не имели успеха.

– А может, не надо стараться их в этом переубеждать? – осторожно пыталась образумить супруга Исабель.

– Извини, но лозунг «Чего изволите» не для меня, – упрямо отмахивался альфа-лев.

И отработав первые полгода бровень с другими мастеровыми, он сделал ход конем: купил участок земли с каменной развалюхой, в которой никто не жил уже лет двадцать. Засучив рукава, мастер Гонсалес с одним наемным работником в два месяца навел в доме такой дизайн, что пять фото его внутреннего убранства были напечатаны в мексиканском архитектурном журнале. Для строителей-отделочников столицы Коста-Рики это явилось настоящим событием.

– Когда делаешь дом для себя, всегда стараешься, – смущенно объяснял Карлос сей успех своим коллегам, пришедшем посмотреть, как все выглядит в натуре.

Впрочем, в «дом для себя» Гонсалесы так и не переехали. Богатый владелец кофейных плантаций предложил за него хорошую цену, и Карлос якобы с тяжелым вздохом продал «свое несостоявшееся фамильное гнездышко».

Прошел еще год, и в Сан-Хосе умер глава небольшой строительной фирмы, а его вдова предложила мастеру Гонсалесу войти в их фирму полноправным компаньоном, оставив за ней право решающего голоса. Карлос ломался недолго: прихватил свой компьютер и чертежную доску и перешел в офис сеньоры Селии. Понаблюдав месяц-другой, как он обращается с ее работниками и клиентами, сеньора немного поубавила своей женской подозрительности и мнительности и скоро уже следила лишь за финансовым приходом и расходом, совсем не вмешиваясь в само производство.

Как и Карлос, сеньора Селия бралась за любые строительные работы, перебегая дорогу другим мелким подрядчикам. И как-то под хорошее настроение «хозяйки» компаньон выдал ей на-гора новый бизнес-план:

– Сеньора Селия, мне кажется, выполнять заказы бедных людей – вещь неблагодарная. В этом нет и никогда не будет никакого развития. Тем более что при малейшем кризисе бедный человек всегда сразу забывает о новом доме и думает о более насущных расходах. Богатый же человек никогда так не разорится, чтобы прервать строительство своей виллы. И запросы у

него всегда будут самые передовые, следовательно, и наши умения всегда будут только расти и развиваться вместе с этим.

Три дня думала «хозяйка», прежде чем сказать:

– А попробуй делать, как считаешь нужным.

И отличник МГИМО по научному коммунизму принялся прямо с порога их офиса заворачивать любого клиента, зарабатывающего меньше пяти тысяч долларов в месяц, в фирмы своих бывших конкурентов, за что имел от них отдельный поклон и благодарность. Сделал упор на богатых клиентах, преимущественно 30–40 лет, чтобы над ними меньше довел семойный консерватизм. Ничего не навязывая, просто предоставлял им три-четыре эскиза их будущего внутреннего домашнего убранства, так что те порой долго не могли выбрать что-то определенное, настолько были хороши все варианты. Особенным успехом пользовались его парадные гостиные в древнеегипетском и древнеримском стилях.

Более того, к концу выполнения заказа Карлос со своим клиентом, как правило, становились хорошими друзьями. То, чему его успешно научили в разведшколе: искренне интересоваться своим собеседником и хорошо запоминать его взгляды и высказывания, – принесло свои увесистые плоды. Да и позже не забывал называть этим знакомцам просто так, умело находя какой-либо приятный повод.

Сан-Хосе – город небольшой, и скоро слава о гипербогатом доне Карлосе достигла любого, кто собирался строить себе новое фешенебельное гнездышко. Количество заказчиков постоянно росло, однако не сказать, что семимильными шагами. Главной помехой являлось то, что трудно было среди беззаботных латиносов найти работников, умеющих работать с немецкой тщательностью, как того требовала установка мастера Гонсалеса на передовые технологии. Поэтому ему нередко приходилось сокрушенно разводить руками перед очередным заказчиком:

– К сожалению, должным образом мы пока это выполнить не можем. Качество работ для нас гораздо важнее их количества. Лучшие мастера сейчас заняты на другом объекте. Или чуть подождите, или я вам порекомендую другую фирму, которая сделает вам это почти так же хорошо и быстро.

И почти каждый новый клиент предпочитал «чуть подождать».

Глава 3

А что же маленький Алекс? К счастью, главные опасения супругов Гонсалес, что с возрастом он станет таким же русопятым, коренастым и курносым, как многочисленная смоленская родня Исабель, не оправдались, и своей внешностью Алекс пошел в отца: был такой же сухопарый, темно-русый и прямоносый, что позволяло его легко выдать за потомка кастильских иальго. Однако владимирские гены все же давали себя знать, и в 6 лет с Гонсалесом-младшим случился сильнейший солнечный удар, после которого он две недели провел в лучшей клинике. Приговор врачей о смертельной опасности для малыша тропических солнечных лучей стал для Алекса отправной жизненной точкой: не столько родители, сколько он сам теперь заботился о своей безопасности, всегда помнил о необходимости головного убора и о том, чтобы даже в бейсбольной кепке не оставаться в сиесту на солнце дольше тридцати минут.

Ради сына Гонсалесы из гористого Сан-Хосе переехали в город Лимон на атлантическом побережье, едва ли не самое дождливое место во всей Центральной Америке, где солнечной активности было заметно поменьше. Здесь Карлос открыл уже свою собственную строительную фирму с Исабель в качестве главного бухгалтера, а Алекс пошел в дорогую американскую школу, где две трети предметов велись на английском языке. Главной особенностью поведения в школе был подчеркнутый индивидуализм, что после самозабвенной жизни с дворовыми ровесниками в Сан-Хосе явилось для живого общительного мальчишки неприятным открытием. Вместо того чтобы беспечно отдаваться групповым интересам, он теперь должен был всякий раз обосновывать и перед собой, и перед другими, почему ему нужно тем или другим заниматься. Это порядком угнетало, и Алекс постепенно и непроизвольно выбрал для себя просто более закрытый и сдержанный стиль поведения. Компьютер и видик быстро стали его лучшими друзьями.

Глядя на регулярно читающих родителей, приохотился он и к книгам, причем больше к энциклопедиям отца, чем к детскому чтиву, что еще больше превратило его в маленького старичка, которому несносны слишком ребяческие восторги и заботы сверстников. В 10 лет с Алексом случилась новая переоценка ценностей: он набрел на «Робинзона Круза», пять или шесть раз прочитал его и принял всерьез готовиться к жизни на необитаемом острове: узнавал, что и как можно изготовить, что во что превратить, чтобы не повторять неуклюжих неумений простоватого Круза.

Это его погружение в отцовские справочники и энциклопедии удивительным образом сказалось на его школьной учебе. Одно дело запоминать что-то по чужому приказу, а другое – по своей охоте. Учеба пошла для него с некоторым опережением, когда все чаще получалось, что то, что рассказывали учителя, Алекс еще раньше успел почерпнуть из книг. Впрочем, в отличники от этого он не выбился. Самые интересные и предприимчивые ребята в их классе относились к категории «хулиганов и двоечников», от души презирающих зубрил-отличников. И чтобы не относиться к последним, он сознательно начиная с четвертого-пятого класса стал получать заниженные отметки.

Родители его за это не сильно шпыняли, предпочитали давать сыну дополнительное образование по собственной системе: в доме по-английски говорили чаще, чем по-испански, во время семейных трапез звучала классическая музыка, по видику смотрели самые отборные голливудские, европейские и японские фильмы, а мировая политика, география и история являлись едва ли не главной темой разговора на внутрисемейных трапезах. Причем все это происходило самым непринужденным образом: родители просто обменивались некими отрывистыми шутливыми репликами, а Алексу, чтобы понять смысл их веселости, приходилось потом подолгу копаться в тех же справочниках и энциклопедиях.

Еще один поворотный момент произошел с Алексом в 11 лет, когда отец подарил сыну маленькую безделушку: песочные часы, в которых песок пересыпался ровно за тридцать секунд. Исабель такой подарок-пустышку не одобрила:

– Ну и что выдающееся можно совершить за эти полминуты?

Карлос выкрутился с присущим ему блеском:

– Например, как Господь Бог, создать нового человека. – Он взял ручку и за тридцать секунд нарисовал на листе бумаги веселого человечка со шляпой и тросточкой.

В тот же вечер, закрывшись у себя в комнате, Алекс наперегонки со струящимся песком принялся создавать свой человеческий мир. Песок неизменно побеждал, тогда Алекс ограничил себя человеческими лицами, и укладываться в срок стало гораздо легче.

С той поры у него так и пошло: стоило случиться каким-либо неприятностям, как он доставал бумагу и ручку и благодаря стремительным рисункам постепенно успокаивался и обретал чувство уверенности.

Вскоре успехи его в изображении лиц и человечков в целом стали столь очевидны, что какое-то время Алекс даже примеривал на себя плащ великого карикатуриста.

Гонсалес-старший мог быть доволен: художественная жилка еще ни одному человеку не помешала. Лишь однажды он все же не выдержал и пристыдил сына за недостойные отметки. Тогда-то Алекс и выдал отцу свою школьную тактику-стратегию:

– Разве хорошие оценки стоят малоприятного имиджа?

– Ну наш парень и дает! – выразил чуть позже Карлос свои впечатления о сыне жене. – В его годы я, помню, плакал от обиды за каждую четверку, а этот сознательно не учит, чтобы получить тройку.

– А хорошо ли, что он подстраивается под этих аутсайдеров? – как всегда, усомнилась Исабель.

– Ну, во-первых, понятие аутсайдеров в их элитной школе весьма относительное. И потом он заверил меня, что их мнение ему, в общем-то, не очень-то даже важно, просто ему нравится быть немногим человеком-невидимкой, чтобы на него поменьше пялились.

– Ты не находишь такое поведение странным для его лет?

– Я и это спросил у него! – даже обрадовался ее вопросу Карлос. – Мол, почему он не хочет покруче утвердиться среди сверстников? И знаешь, что он мне ответил? Что его сверстники – это герои Дюма и Джека Лондона, а не эта шантрапа.

– А что он говорит про девочек?

– Увы, до этого глобального вопроса мы как-то не добрались.

Говоря, что мнение «хулиганов и двоечников» его не очень-то заботит, Алекс ничуть не привирал. Рано почувствовав над ними свое умственное превосходство, он вскоре добился среди сверстников и физического первенства. Его высокий рост, некоторая неуклюжесть движений и то надменное равнодушие, с которым он смотрел на их выходки, были прекрасным раздражителем для всех окружающих задир, слишком легкой и лакомой добычей этот высокомерный «аргентинец» им казался. Однако стоило ему встать в бойцовскую стойку, как он тут же переставал быть беззащитной жертвой. Выставив далеко вперед левый кулак, он стремительно наносил разящий удар правой любому, кто изловчился поднырнуть под его левую руку. При этом сам всегда оставался вне пределов чужих кулаков. Так действовал любимец его отца – мексиканский боксер-средневес Мартинес, и Гонсалесу-младшему просто удавалось его хорошо копировать. И хотя все задиры вскоре выяснили, что Алекс никому не проигрывает драки один на один, всякий раз непременно отыскивался кто-то, чтобы помериться с ним ловкостью и бесстрашием. Вот и получалось, что, будучи человеком совершенно не агрессивным, он дрался гораздо чаще самых завзятых хулиганов.

Удивительно, но об этих «подвигах» долго ничего не знали ни родители, ни учителя. Глядя на его задумчивое тонкое лицо, никому из взрослых даже в голову не приходило, каким умелым кулакным бойцом в своей возрастной категории он является.

Глава 4

При переезде в Лимон Карлос не прекратил компаньонства и с сеньорой Селией, так и мотался еженедельно между двумя городами, что служило хорошим прикрытием для любых его сторонних встреч и поездок.

Поменяв на новом месте жительства две съемные квартиры, Гонсалесы выстроили себе, наконец, и собственный дом. В отличие от первой показной виллы, это был весьма скромный особняк с шестью комнатами, подземным двенадцатиметровым тиром и садом в три акра. Его скромность объяснялась желанием иметь лишь приходящую прислугу: кухарку-горничную и садовника, поддерживавшего сад и небольшой декоративный бассейн в идеальном состоянии.

Странность с подземным тиром объяснялась тем, что супруги Гонсалес сразу же вступили в местный стрелковый клуб, куда входили многие предприниматели средней руки – все те, кому хотелось иметь в доме огнестрельное оружие на законных основаниях.

Помимо собственно стрельбы на их сорнищах часто обсуждалось, как именно вести себя в ситуациях, когда доведется эти пистолеты применить. Карлос придерживался самой миролюбивой точки зрения, говоря на каждом углу, что лучше самому получить физические травмы, чем стать виновником чужой смерти. Тем не менее однажды в лимонской вечерней газете была помещена короткая заметка следующего содержания: «Сегодня ночью в дом известного предпринимателя Карлоса Гонсалеса пытались проникнуть два грабителя. Оба с тяжелыми ранениями были доставлены в больницу. Ведется следствие».

И в глазах окружающих разом сложился весь пазл в отношении семейства «мастера Карлоса»: и некоторая их закрытость, и удивительная бытовая самодостаточность, и увлечение стрельбой. В заслугу было поставлено даже то, что супруги стреляли грабителям именно по конечностям, чтобы не нанести слишком тяжелыеувечья.

Наибольшее количество лавров, как ни странно, досталось Алексу – в школе он стал настоящим героем, хотя и не скрывал, что основную ночную пальбу просто проспал: проснулся и спустился в холл, когда отец уже вызывал по телефону полицию и скорую.

– А какие они, какие? Страшные, наверное? – с замиранием спрашивали окружающие двенадцатилетки.

– Откуда я знаю? Они на полу уже лежали. Кажется, среднего роста. Лет по двадцать, двадцать пять. У одного был пистолет, у другого нож.

– А твоя мама что делала?

– Перевязывала того, что с ножом был. Он плакал, говорил, что ему теперь руку амputируют.

– А твой отец что?

– А папа ему говорит: «Ничего, у тебя еще другая рука есть».

– Ну у тебя папа и хохмач. Так ему и сказал?! А мама что, совсем не испугалась?

– Ее только потом сильно трясло, когда скорая уже уехала.

Глава 5

Все бы так, наверно, и катилось по намеченному графику: сбор никому не нужных секретных данных о Центральной Америке, выполнение разовых заданий мексиканского президента, постоянная готовность к активным действиям при наступлении часа «Ч», даже раскрытие перед сыном семейной тайны в восемнадцать лет выглядело вполне запрограммированным, для чего Гонсалесы начали откладывать деньги на крейсерскую яхту, чтобы именно на ней, посреди океана сделать сыну сие признание. Но тут наступили приснопамятные перестройка и гласность. Поначалу Гонсалесы даже гордились ими: наконец-то «империя зла» показывает всем свое нормальное, не враждебное лицо. Однако год отщелкивался за годом, и у Карлоса возникало все больше тревоги:

– Ну нельзя же так уж перед американцами и Европой стелиться! Потом же самимстыдно будет.

Исабель не разделяла его страхов, всячески защищая «меченого генсека», мол, все это хорошо продуманная многоходовая стратегия. Но у Карлоса уже было с кем и без нее поговорить на эту тему. В их доме стал время от времени появляться Альберто, нелегал из Панамы; будучи торговцем офисной оргтехникой, он мог раскатывать по всей Перемычке, как они называли Центральную Америку, как угодно. Альберто прибыл из Москвы совсем недавно, поэтому знал массу таких совдеповских подробностей, которые не почерпнешь ни на каком Си-эн-эн или Би-би-си. Тонкий и прямой, больше похожий на англичанина, чем на латиноса, он был еще более Карлоса резок в суждениях о делах в Союзе.

– Боюсь, что повторяется февраль семнадцатого года. Только там дворянское быдло предало свою страну, а теперь наше хваленое политбюро предает.

Когда случился ГКЧП, Альберто примчался к Гонсалесам среди ночи с радостной вестью:

– Наконец-то нашелся кто-то прекратить этот бардак!

Но два дня спустя уже не было несчастней его человека:

– Господи, ну что за придури! Трех трупов испугались!

И теперь уже Карлос, хотя и был полностью с ним солидарен, утешал его:

– Ничего, зато москвики оторвались за эти три дня по полной. Конечно, обидно, что они все решают за всю страну, но ведь так было всегда.

Катастрофу декабря девяносто первого года Альберто с Карлосом встретили чисто по-русски: отпустили прислугу, отправили Исабель с Алексом загорать на тихоокеанское побережье, а сами закрылись в подземном тире, вдрабадан напились и израсходовали почти тысячу патронов по мишеням-президентам.

Вскоре после этого в жизни Альберто и в жизни Гонсалесов наступило тревожное время. Регулярно поступали сведения уже не только о нелегалах-перебежчиках, но и о крупных чинах московских спецслужб, которые, ничего не боясь, чуть ли не на пресс-конференциях выдавали госсекреты.

Однажды Карлос даже услышал знакомую фамилию такого штабного разведчика и стал готовиться к своему возможному аресту здесь, в Коста-Рике. Но прошло месяца четыре, а его никто не арестовывал. Альберто объяснил это по-своему:

– А зачем американцам лишний раз суетиться? Ты же «спящий» агент, большого вреда пока не приносишь, зато всегда под рукой, если понадобится обмен раскрытыми шпионами. – И чуть подумав, добавил: – Подозреваю, что вы у них сейчас в качестве учебного пособия. Помню, в Москве мне тоже показывали такого «спящего» американца, чтобы я за ним просто походил, понаблюдал, как он ведет себя, чем выделяется, как старается на своей легальной службе. Полезная штука, между прочим.

Разумеется, такое предположение особой радости Гонсалесам не принесло. Навострив все свои интуитивные радары, Карлос и в самом деле вскоре заметил двух ошивавшихся вокруг него типов, которые вполне подходили на роль топтунов-стажеров.

Самое удивительное, что как раз в это время в руки Гонсалесов попала действительно важная секретная информация. Одна из выстроенных Карлосом вилл принадлежала богатому texасцу Сайрусу Джонсу, с которым Гонсалесы настолько сдружились, что посылали к нему на ранчо Алекса на целый месяц, а сын Джонсов Чарли тоже неделями не покидал Гонсалеса-младшего, когда texасцы приезжали поголливудить на свою лимонскую виллу.

И вот как-то в очередной свой приезд Джонсы пригласили чету Гонсалесов к себе на ужин вместе с еще одной американской семейной парой и неким Гарри, мрачным сорокалетним господином, по виду явным госслужащим. Сайрус сватал американцам Карлоса как лучшего местного подрядчика и дизайнера по строительству вилл и особняков. Сам подрядчик, особо не чинясь, с готовностью показал свои интерьеры, которые всегда были у него с собой на представительской дискете.

Словом, вечеринка была как вечеринка. Три женщины щебетали о своем, девичьем, четверо мужчин пили виски и играли в бридж. Игра перебивалась постоянными теленовостями о России и о политической ситуации 1992 года в Панаме.

Гарри, изрядно напившись, стал расспрашивать Карлоса о его отношении к российской перестройке. Карлос как мог насмешничал над страной льда и медведей. Гарри, чуть обидевшись на такое суждение, принял с жаром ему рассказывать про Сталинград и Гагарина. Потом его настроение, как бывает у пьяных, снова поменялось, и он стал всячески ругать русских за их подозрительность и неповоротливость. Новая порция иронии Карлоса заставила Гарри выхватить из кармана рубашки дискету и для убедительности покрутить ею:

– Вот здесь информация, которая может перевернуть всю их жизнь, а они, в русском посольстве, даже отказались просмотреть ее у меня.

Они стояли на террасе второго этажа, освежающе обдуваемого вечерним бризом с Карибского моря.

– Там, наверно, план ядерной атаки Штатов на Россию, – предположил с ухмылкой Карлос.

– Нечто гораздо лучшее. – Гарри покачал пальцем в воздухе. – Да что ты знаешь, коста-риканец, про русское каннибальство. Когда они друг другу главный враг.

Если бы это произносил кто-либо из соотечественников, Карлос и ухом бы не повел, но из уст американца такие слова прозвучали как-то особенно обидно и оскорбительно. Он с балкона глянул во внутренний дворик, где находились хозяева и остальные гости. Исабель, словно он позвонил ей по сотовой связи, тотчас подняла голову. И с улыбкой что-то сказав хозяйке дома, двинулась на выручку мужу.

– Пошли лучше в лежачее положение, – сказал Карлос Гарри.

– Ну пошли, – послушно согласился тот. Его сильно повело в сторону, и, если бы не крепкая рука подрядчика, он наверняка свалился бы на пол.

Исабель поднялась к ним, когда Карлос полуусаживал-полуукладывал американца на один из диванов, находившихся в верхней гостиной.

– Гарри, что же вы нас так бессовестно покинули, – укорила она, переключая на себя внимание пьянчужки, в то время как Карлос вполне бесцеремонно, словно так и надо, расстегнул у того карман рубашки и извлек оттуда дискету.

– Вам надо взбодриться. – Исабель протянула Гарри свой стакан с соком.

Гарри понес какую-то околосицу, а Карлос под шумок удалился в детскую комнату, где у младшего Джонса стоял компьютер с двумя дискетными гнездами. Сорок секунд – и содержание дискеты Гарри перекочевало на представительскую дискету «мастера Карлоса». Еще минута – и ворованная дискета с вытертыми отпечатками пальцев снова в кармане у амери-

канца. Заметил ли пьянчуга такой наглый грабеж, Карлоса не слишком волновало – он мог объяснять его своим собственным желанием заработать на этой дискете с тем же русским посольством.

– Ты сошел с ума, – говорила Исабель по дороге домой. – Ну кто так действует?! Кто? И вообще все это похоже на большую подставу. Никто так, на дурочку, тайны не добывает.

Карлос молчал – он верил в везение и в тот счастливый случай, который один раз непременно выпадает всяческому разведчику. Да и осточертело все время фигней заниматься.

Недоверчивость жены еще больше возросла, когда она увидела на мониторе компьютера то, что они украли. Это был список агентов влияния, все сплошь российские фамилии, и номера их заграничных банковских счетов, на которые отправлены полученные ими гранты и бонусы, с указанием чисел и сумм. Так что при сопоставлении фамилий с событиями, местом службы и размером денежных вливаний легко можно было докопаться, кто там и за что получил сию мзду. Сразу стала понятна и позиция Гарри: выдавая российских чиновников-предателей, он не подставлял ни одного американца, разве что тех, кто находился под дипломатическим прикрытием и мог получить за эту утечку информации максимум выговор от своего начальства за халатность по службе. Заодно это была проверка на хваленный русский патриотизм: хватит ли у вас духа устроить свой российский утергейт и разоблачить всех этих откровенных предателей?

– А может, это чистой воды провокация? – тут же усомнилась Исабель.

– Провокации так просто и убедительно не выглядят. – Карлос был полон самых нехороших предчувствий по поводу отсылки подобного сообщения в Москву.

Приехавший на следующий день Альберто полностью согласился с ним и добавил новых страхов:

– Это действительно бомба. Но она будет приведена в действие, только если найдется достаточно решительная группировка в самых верхах, которая захочет это использовать.

– Предлагаешь вообще не посыпать? – Карлос не столько спрашивал Альберто, сколько хотел услышать больше вариантов для своих действий.

– Я так не сказал. Посылайте, а потом спокойно сидите и ждите отзыва на родину для продолжения карьеры в Коми-Пермяцком автономном округе. – Слова вроде были и саркастические, но тон не оставлял сомнений в серьезности заезжего гостя.

– А ты поучаствовать не хочешь? – предложила Исабель.

Карлос смотрел на панамца тоже с пристальным вниманием.

– Почему бы и нет, – обаял обоих Гонсалесов лучезарной улыбкой Альберто. – Я тоже люблю Коми-Пермяцкий округ.

Решили сделать так: перегнать информацию на 5 крошечных чипов, не читаемых обычными компьютерами. Один чип пошел в Москву по официальному каналу через посольство, три каждый взял себе, и пятый должен был быть запрятан в нейтральном месте, в котором его по точной наводке потом мог взять еще кто-то посторонний.

После отправки первого чипа потянулись недели тревожного ожидания.

Глава 6

Происшествие с горе-грабителями повлияло на Алекса гораздо сильнее, чем он сам думал. Мир взрослых, который он считал унылым, ложно-умным и узоколейным, вдруг открылся ему новой стороной: оказывается, и у старианов бывают приключения не только в голливудских фильмах, но и в повседневной жизни. Блестящую деловую карьеру и зарабатывание больших денег он в счет не принимал – ведь в этом не больше доблести, чем в добывании школьных пятерок. А вот личная смелость в вооруженном поединке – это да, это действительно супер. Нет, своим родителям он нисколько не завидовал, просто теперь у него появилась точка отсчета для сравнения его собственных кулачных подвигов.

В тропических странах подростки созревают гораздо быстрей, чем в умеренном поясе. Не обошла игра гормонов стороной и Алекса. В свои наступившие увесистые тринадцать лет он уже успел влюбиться дважды. Пятнадцатилетняя Эстелла из старших классов была его заветной мечтой на протяжении целого полугода. Но два года разницы постоянно ставили кавалера в неловкое положение, и уязвленное самолюбие в конце концов настолько взбунтовалось, что в один прекрасный день он без всякого видимого повода отправил недоступную пассию на свалку сердечных отходов. Кстати, сама Эстелла о его пламенном чувстве так и не успела узнать.

С двенадцатилетней Камиллой было проще, она жила по соседству и ходила в обычную, не американскую школу, но с ней возникли другие трудности. Во-первых, изо всех сил приходилось делать вид, что ему просто с ней интересно разговаривать, и только; во-вторых, убедить в этом заодно всех случайных свидетелей, включая своих и ее родителей; в-третьих, в самом деле не сделать ничего опрометчивого, чего потом пришлось бы стыдиться. Родители никогда не говорили с ним о таких вещах, как благородное и не благородное поведение, более того, частенько иронизировали над семейными ценностями в голливудских фильмах, тем не менее представление о табу в собственном поведении Алекс имел совершенно четкие.

Как ему приходилось напрягать собственную голову, чтобы просто придумать тему для продолжительного телефонного или очного разговора с Камиллой! Сколько лицедейства напускал он на себя, чтобы выглядеть перед ней предельно возвышенным и искренним, не имеющим ни одной задней мысли! Как одновременно хотелось и было боязно любого физического прикосновения! И сколько раз он ловил обращенные на них с Камиллой бесцеремонные взгляды взрослых, которые недвусмысленно говорили, что они прекрасно понимают все его скрытые желания и намерения. Но такова уж природа подростковых чувств, что они умеют игнорировать и прорываться сквозь любые оскорбительные обстоятельства.

Два раза уже удавалось Алексу заманить Камиллу к себе домой. Сначала для показа своего нового компьютера, к которому девчонка оказалась совершенно равнодушна, потом – для тайного проникновения в подвальный тир, тоже не вызвавший у нее особых восторгов, и, наконец, сегодня он позвал ее для опробования подарка родителей на день рождения: дорогого фотоаппарата.

Это последнее приглашение неожиданно принесло полный успех. Польщенная тем, что ее хотят снять в самом красивом виде, Камилла с таким восторгом и доверием смотрела на своего кавалера, что Алексу не оставалось ничего другого, как и дальше выжимать из нее новые восхищательные знаки. В комнатах виллы развернуться особо было негде, и они поневоле переместились в сад. Родители отсутствовали, но в дальнем углу подстригал что-то старый садовник Гаспар да на террасе время от времени мелькала со щеткой служанка Хасмина. Однако разыгравшимся подросткам это уже помешать не могло.

Алекс поменял в «Никоне» уже третью пленку, изображая из себя опытного фотомастера, даже пытался указывать Камилле, какие именно ей принимать позы.

– А теперь голову чуть набок и задумайся.

– О чём задумайся? – удивленно спрашивала юная гостья.

– Умножь в уме одиннадцать на одиннадцать, – тут же придумал он.

Камилла рассердилась.

– Алекс, ты с ума сошел, я и на бумаге это не сосчитаю.

– Ну тогда десять на десять, – продолжил он игру.

– Этого тоже нет в таблице умножения.

– Ну что, трудно к десяти ноль в уме прибавить?

– К десяти ноль прибавить? – Она на секунду задумалась. И Алекс успел сделать два снимка. – Ну ты совсем надо мной издеваешься. Я больше не буду сниматься.

– Все, все. Ничего умного больше не будет. Клянусь!

Малолетняя кокетка, надув губки, направилась к воротам. Алекс поспешил следом.

– Ну, Камилла, я же пошутил. Давай еще с цветком в волосах щелкну.

Она оглянулась.

– С каким цветком?

Кругом было полно цветущих кустов, но это все было не то. Камилла указала на декоративный прудик, который украшали три белые лилии:

– С тем хочу.

Алекс чуть замялся:

– Это любимые цветы мамы. Она не разрешает их рвать.

– Ну тогда и оставайся здесь, а я пошла. – Камилла сделала нетерпеливое движение в сторону ворот.

– Хорошо, сейчас.

Он сбросил шорты и в плавках зашел в воду. Возле лилий ему было по пояс. Нагнувшись по шею в воде, он нашупал стебель цветка у самого корня. Руки натолкнулись на гладкий, ровный предмет. Напрягшись, Алекс вытащил из воды металлический, герметически закрытый ящик чуть больше дипломата. Поставил его на декоративную каменную горку посреди прудика и осмотрел, пытаясь догадаться, как он открывается.

– Что ты нашел? – Девушку разбирало любопытство.

– Пиратские сокровища, что еще?

Она его шутки не приняла.

– Я же просила лилию. До свидания.

Не найдя, как открыть ящик, Алекс снова погрузил его в воду, быстро сорвал цветок и устремился за девушкой.

Они обогнули угол дома и оказались вне поля зрения садовника и служанки. Алекс нагнал Камиллу и протянул ей лилию.

– Ну вот и твой цветок.

Она великодушно приняла его.

– Уже темно совсем. Фото не получится.

– А мы наверх, на террасу, поднимемся, – нашелся Алекс. – На закате очень классно будет.

– Нет. В другой раз как-нибудь.

– Цветок сорван – значит, должен быть использован. Стой, не дергайся.

Он прикрепил цветок к волосам девушки. Не удержался и чуть погладил ее по волосам, рука коснулась и шеи. Оба вздрогнули, прикосновение было уже за гранью детской игры.

– Красиво? – смущенно спросила она.

– Супер и гипер.

Алекс неожиданно склонился и поцеловал Камиллу в щеку. Оба снова замерли, прислушиваясь к собственным ощущениям.

— А мне тебя можно? — попросила она, трогательная в своем смущении.

— Можно.

Ее поцелуй тоже пришелся ему в щеку.

— У нас девчонки в классе все уже и в губы целовались, — сообщила она, чтобы хоть что-то сказать.

Алекс был не против и подставил губы. Камилла слегка дотронулась до них своими губами.

Где-то рядом на шоссе раздался резкий сигнал грузовой фуры. Ребята испуганно отстранились друг от друга.

— Теперь я тебя в губы, — снова осмелел Алекс.

— Нет, давай не сегодня, а завтра. Хорошо?

Он был сильно разочарован.

— Почему не сегодня?

— Я хочу всю ночь думать об этом. Все! Завтра меня поцелуешь. Хорошо?

— А ты не передумаешь?

— Ни за что! — задорно пообещала Камилла и побежала к воротам.

Глава 7

Алекс уже засыпал, когда услышал звук подъехавшего к вилле отцовского «форда». Вставать ужасно не хотелось, но он пересилил себя – надо было все же выяснить насчет металлического ящика.

Когда родители проходили по коридору в спальню, он выглянул из своей комнаты.

– Пап, а что это за герметичный ящик, что я в пруду нашел?

Карлос застыл, не находясь сразу с ответом.

– Ты его положил на место? – спросила Исабель.

– Да. Ну так что там за сокровища?

– Сынок, давай все завтра, – предложил Карлос. – Сегодня голова уже не соображает.

– А вы точно покажете, что в нем?

– Тебе – со всей душой! – пообещала мать. – Быстро ложись.

Сын повиновался, в общем он был еще вполне послушным чадом.

Зато Карлос недоумевал: как именно жена собирается выполнить свое обещание.

– Очень просто, – сказала она уже в постели. – Положим туда все деньги, акции и драгоценности из сейфа и предъявим сыну как заначку на черный день.

При всем его уме с Карлосом иногда случались приступы беспросветной тупости.

– А как мы это сделаем технически?

– Очень просто. В шесть утра ты встанешь и поменяешь содержимое ящика.

– И принесу ему в комнату?

– Зачем? Пускай Алекс сам сходит и принесет ящик, а ты ему за завтраком откроешь его, – рассудила Исабель.

Но утреннему завтраку у них не суждено было состояться. Полпервого ночи зазвонил сотовый телефон Карлоса. Это был Альберто.

– К вам из столицы на трех джипах направляются «гости», – сообщил он.

– А почему из столицы? – еще не совсем проснувшись, поинтересовался Гонсалес-старший.

– Попробуй догадаться сам.

Карлос попробовал и окончательно обрел ясность мысли. Вспомнил: у Альберто есть человек, который прослушивает телефонные разговоры спецслужб Сан-Хосе.

– Ты как? – спросил он.

– Еду к вам. Как договаривались, – сказал Альберто, даже через трубку ясно чувствовалось, как он хищно улыбается – наконец-то томительное ожидание провала превратилось в активное действие. – Еще минут тридцать – сорок.

– Что?! – тревожно выдохнула Исабель, когда муж положил трубку.

– Как и следовало ожидать.

– А подтверждение? – Как же ей хотелось хоть чем-то все остановить!

– Альберто через тридцать минут будет здесь. Поднимай Алекса и сама знаешь…

Он встал и чуть растерянно огляделся вокруг, словно прощаясь с окружающим благополучием. И это движение сказало Исабель больше, чем любые объяснения. Молча они разошлись в разные стороны. Каждый знал, что именно ему делать. Карлосу – доставать металлический ящик, готовить оружие и дымовые шашки, ей – заниматься Алексом, деньгами и паспортами.

Исабель вошла в комнату сына и включила ночник, чтобы избежать яркой иллюминации, заметной снаружи. Поднять чадо быстро было не просто. Но ничего не поделаешь – она резко сдернула с него простыню и одной рукой за шею, другой под колени одним движением привела сына в сидячее положение.

– Алекс, подъем! Через десять минут мы выезжаем.

– Не понял. Куда? – сонно промямлил он.

– Быстрей давай.

Она вышла, не вдаваясь в какие-либо объяснения. Сын натянул шорты и рубашку и поплелся за матерью.

В кабинете мужа Исабель открыла сейф и быстро опорожнила его. Деньги и кредитки – в один пластиковый пакет, паспорта и финансовые документы – в другой.

Вошедший сын изумленно наблюдал за всем этим.

– А мне что брат?

– Зубную щетку, больше ничего не надо, – сказала она, не отрываясь от своего занятия.

– Ну, мам, я серьезно.

Последним Исабель достала восьмизарядный кольт 45-го калибра с двумя запасными обоймами. Первое, что пришло Алексу в голову, это новый налет мафиози, возможно, в отместку за предыдущих двух грабителей. Только вот почему надо уезжать?

– Темные очки и бейсболку возьми, – распорядилась она, выходя из кабинета.

План возможного внезапного бегства был намечен у них еще при строительстве дома, особенно после того, как они узнали, что собой представляют коста-риканские тюрьмы. Их земельный участок одной стороной упирался в склон холма. Там шла подпорная стенка, а над ней возвышалась железная ограда. В самом заросшем углу сада один из прутьев ограды намеренно был слабо закреплен, чуть отжать – и он легко вынимался. Дальше вверх по склону через густой подлесок можно было выбраться на верхнее шоссе. Наличие Альберто на своей машине решало проблему транспорта, так что собственные две машины можно было оставить в гараже.

Когда Исабель с Алексом спустились в холл, Карлос там уже переодевался в сухую одежду, рядом на каменном полу стоял металлический ящик. Алекс ни о чем не спрашивал, только глядел во все глаза на сборы родителей.

– Я за шашками, – сказал отец и направился к двери, ведущей в подвал.

Наедине с матерью Алекс все же решился на вопрос:

– Мам, что?

Она строго и, как ей показалось, отчужденно посмотрела на сына.

– Все потом. Только ничего не забыть.

– Я сейчас! – Сорвавшись с места, он кинулся назад в свою комнату за «Никоном», отснятыми пленками и часами.

Глава 8

Альберто, как и обещал, присоединился к ним через сорок минут. Оставил на верхней дороге свой кабриолет, прошел сквозь полоску леса и, не найдя лаза, просто перелез через изгородь.

– Сюда! – махнул ему рукой с площадки у задней двери Карлос.

Исабель и Алекс находились в холле в полной готовности. Все трое по-разному смотрели на ночного гостя: Карлос – сосредоточенно, как человек, уже обдумавший и свои и чужие действия, Исабель – с надеждой, все еще веря, что тревога может оказаться ложной, Алекс – недоуменно, ведь для него Альберто был всего лишь очередным партнером отца по каким-то служебным делам.

– У нас еще есть время? – спросил Карлос панамского визитера.

– Сколько их? – нетерпеливо добавила хозяйка дома.

На последнее ответить было легче.

– Грузовик и два джипа. И в начальниках у них, похоже, американец.

– Ого! – невольно вырвалось у Карлоса.

– Если бы не ваша стрельба по мелким воришкам, расклад был бы поменьше... Это все? – Альберто кивнул на ящик, на котором еще блестели капли воды.

Ему никто не ответил. Сначала Алекс, а за ним остальные дружно оглянулись на охапку дымовых шашек, вынесенных из подвала.

– В общем, вы давайте все на выход, – распорядился Карлос. – А я тут зайдусь.

– А не лучше ли всем вместе уходить? – сказала Исабель.

Алексу тоже не терпелось что-либо сказать-спросить, но он предпочел смотреть и слушать, чтобы не получить замечание как маленькому мальчику.

– Грузовик мы точно должны услышать, – определил Альберто.

Все невольно напрягли слух и посмотрели в открытый проем парадного входа. Но слышен был лишь густой стрекот ночных насекомых. И вдруг совсем неожиданно со стороны нижнего шоссе, ведущего к усадьбе, ярко вспыхнули направленные на дом автомобильные фары и грубый голос в мегафон произнес:

– Дом окружен! Это полиция. Сопротивление бессмысленно! Всем выходить с поднятыми руками!

Исабель вздрогнула и сильно сжала рукой предплечье сына. Карлос повелительно кивнул им на задний выход, а сам стал зажигать первую дымовую шашку. Альберто взялся ему помогать.

Едва из дома вылетели две первые дымовые шашки, как взревел двигатель грузовика, идущего на таран ворот усадьбы. Карлос в ответ трижды выстрелил в направлении ворот и бросил еще одну шашку ближе к парадной двери. Четвертая шашка осталась дымить в холле, а пятая и шестая вылетели из заднего выхода. Густой белый дым быстро окутал все вокруг. Альберто подхватил металлический ящик и ринулся из задней двери в сад, Исабель и Алекс старались не отстать от него.

– Мам, это мафия, да? – спросил сын, чтобы показать, что ему совсем не страшно.

– Мафия, мафия!

– А мы кто? Свидетели?

– Еще какие свидетели. – В голосе матери Алекс различил какую-то непонятную интонацию.

Взобраться на подпорную стенку и протиснуться сквозь железные прутья было секундным делом. Затем все трое, не сговариваясь, оглянулись.

– Карлос! – крикнула Исабель.

— Здесь я, здесь! — Он вынырнул из дыма и проворно пролез сквозь изгородь. Дальше они бежали уже полным составом.

План бегства с верхней дороги был всем хорош, вот только в километре от виллы нижняя дорога соединялась с верхней и там предусмотрительно был выставлен один из полицейских джипов. Сумасшедшая скорость, с которой Альберто погнал свой кабриолет, выдала беглецов с головой. Проскочить за счет внезапности удалось, но дальше началось злое упорное преследование. Алекс сидел рядом с Альберто на переднем сиденье, а Карлос с Исабель с пистолетами наизготовку, чуть привстав, готовились палить назад по полицейским. Точно, как Бонни и Клайд, подумал еще Алекс. Совпадало даже полное безлюдье на дороге, словно сцена погони была подготовлена опытными каскадерами.

Рев мощных джипов нарастал. Оттуда прозвучала первая автоматная очередь. Чета Гонсалесов открыла ответный огонь. Одна из фар преследующего джипа погасла, а вторая стала чуть тусклей — полицейские заметно сбавили скорость, заботясь о собственной безопасности. Алекс видел, как родители довольно переглянулись между собой.

И вдруг над шоссе взмыл полицейский вертолет с прожектором, который тут же засек их машину.

— Черт! — вырвалось у Альберто.

Сверху тоже начали стрелять. Альберто пустил кабриолет зигзагом. Но от вертолета было не оторваться.

— Сворачивай! — не сказал, а прорычал Карлос.

— Знаю! — огрызнулся панамец и на первом же перекрестке свернул на боковую дорогу под кроны деревьев. На какое-то время вертолет потерял их из вида. Но стоило машине вновь выбраться на открытую шоссе, как вертолет снова завис над ними.

На рубашке Карлоса вдруг возникла цепочка из трех темных пятен. Он тут же как-то неловко осел на сиденье.

— Папа! — закричал Алекс.

Они вместе с матерью наклонились к отцу.

Карлос силился что-то сказать и вдруг замер, кисть руки безжизненно свалилась вниз. Исабель потерянно смотрела на мертвого мужа, затем с трудом перевела взгляд на потрясенного сына.

Кабриолет снова попал под кроны деревьев.

— Нам не уйти, — сказала она.

— Уйдем! — крикнул Альберто.

— Тормози!

Он понял ее намерение.

— Не сходи с ума. Давай я останусь.

— Ты в посольство с ними пройдешь, я — нет, — возразила она. — Тормози!

Потом Альберто всегда объяснял свое подчинение тем, что увидел торчащие под рубашкой Исабель пакеты с паспортами и пачками купюр и решил, что у них с Карлосом был дополнительный план, как можно благополучно исчезнуть, просто растворившись в джунглях.

Исабель перегнулась на переднее сиденье и крепко обняла сына.

— Сыночка, моя, кровиночка! — по-русски вырвалось у нее, для каких-то других слов уже не было ни места, ни времени. Сняв с шеи маленький медальон, она сунула его сыну в карман рубашки, даже не забыла застегнуть его там на пуговицу. Кабриолет затормозил. Исабель выпрыгнула из него и махнула рукой: — Пошел!

— Мама! — Алекс попытался тоже выскоичить из авто. Альберто правой рукой с силой прижал его к сиденью. Кабриолет понесся дальше.

Исабель подошла к высокой куче земли на обочине, присела и, опершись о землю обеими рукоятками пистолетов (своего и Карлоса), открыла прицельный огонь по приближающимся джипам.

Кабриолет продолжал мчаться по шоссе. Вертолет стрекотал где-то в стороне.

– Кажется, ушли. – Альберто обернулся к Алексу, тот, непонятно когда раненный, без чувств чуть завалился над своей дверкой.

Машина, резко снизив скорость, въехала в небольшую деревню, погруженную в глубокий сон. Альберто свернул в какой-то закоулок и остановился. Из основания шеи Алекса обильно сочилась кровь. Достав из аптечки бинт, Альберто умело перевязал рану. Тело Карлоса он втиснул между сиденьями и накрыл его пледом из багажника.

– Черт бы нас всех побрал! – А что еще оставалось ему сказать.

Глава 9

Напрямую в российское посольство прорываться было рискованно. Поэтому посольский врач сам выехал на явочную квартиру осматривать Алекса. Рана была не опасной, но большая потеря крови сделала парня совсем слабым. Таково было свойство организма Гонсалеса-младшего: он почти никогда не болел, но уж попав на больничную койку, всегда болел тяжело и долго поправлялся.

Тело Карлоса, как Альберто ни старался, на родину вывезти не удалось, его сожгли в одном из крематориев Сан-Хосе под чужим именем, и на российское кладбище он полетел в багаже Альберто в стандартной погребальной урне.

Рядом с панамцем-коммивояжером в летящем в Мадрид самолете сидел полусонный Алекс. Новость о том, что он сын российских разведчиков, была для него слишком невероятной, чтобы он в нее мог поверить. Пришлось добавить, что от его послушного поведения теперь зависит жизнь его матери. Нужные таблетки окончательно обезвредили его, чтобы он уж совсем не сопротивлялся полету. На двух пересадках до Москвы Альберто пришлось делать в аэропортовых туалетах своему подопечному дополнительные уколы, и в Шереметьево для приема юного пациента понадобилось вызывать карету скорой помощи.

Помимо медицинской «газели» у трапа самолета стояла еще и черная «Волга» для самого Альберто. Моросил холодный августовский дождь, от которого гостю из тропиков было чуть зябко, несмотря на предусмотрительно надетую ветровку.

К Альберто, успевшему уже перевоплотиться в капитана ГРУ Зацепина, подошел человек из «Волги», этакий бесстрастный следователь НКВД полувековой давности в сером костюме.

– С приездом, Петр Иванович.

Альберто хотел пошутить про то, как встречали разведчиков на родине в 1937 году, но воздержался.

– Ну и погодка тут у вас!

– Пускай это будет самая большая проблема для вас, – заметил с нехорошой интонацией «серый костюм».

– Мой отчет, значит, не удовлетворил? – произнес Зацепин с едва заметным сарказмом.

– Про то мне вообще-то неведомо. Сказано, доставить куда надо... На вашу квартиру, – великодушно пояснил встречающий.

Но сомнение все же оставалось.

– А багаж?

– Его вам привезут.

Что тут возразишь? Как человек военный, он дисциплинированно направился к «Волге», прокручивая в уме ближайшие вопросы и свои домашние заготовки на них.

Глава 10

Зацепину дали полные сутки на то, чтобы он немного пришел в себя от смены часовых поясов, а потом действительно началось серьезное дознание. У Петра Иваныча хватило ума не распространяться о подозрениях насчет московского предательства их нелегального существования и все валить на опрометчивость Карлоса при перегонке дискеты на чипы, мол, где-то это деяние могло зафиксироваться и попасть к кому не надо. Точно так же отрицал он, что читал полученный материала, мол, Карлос, может быть, и читал, но ничего ему не говорил, а он, Альберто, получил эти данные уже в виде компьютерного чипа, и вот он вам, этот чип, который на обычном компьютере прочесть невозможно.

– А были ли еще чипы?

– Да, еще два. Один Карлос спрятал в саду своей виллы, где именно – не знаю, другой находился при Карлосе. Я его передал в посольстве военному атташе.

– Исабель могла знать место, где спрятан третий чип?

Ну зачем этим дознавателям облегчать их псевдоважную службу? Пусть сомневаются и боятся.

– Думаю, да. Кстати, можно узнать, нет ли о Исабель каких-либо новых сведений?

– По одной версии, она убита в перестрелке, по другой – арестована и дает показания.

К счастью, никто не ставил ему в вину, что он оставил ее одну на дороге отстреливаться от преследователей – Исабель действительно не знала адреса явочной квартиры и в посольство тем более пробиться бы не смогла.

Помурыжив пять дней с дознанием, Зацепина отправили в трехмесячный отпуск. Сам Петр Иваныч такому благополучному исходу не очень поверил, полагал, что начальники просто ждут дополнительных вестей из Коста-Рики. То, что официально в Лимоне всплыла лишь полицейская атака на Гонсалесов, якобы как на торговцев наркотиками, особенно всех напрягало – значит, американцы, а кто еще мог руководить этой атакой, задумали какую-то свою игру.

В отпуск он не поехал – предпочел остаться в Москве. Бродил по знакомым улицам, разглядывал витрины магазинов и суеверную публику, придирчиво отмечал негативные перемены, морщился от нищих и бомжей, смотрел в Доме кино и Киноцентре свежеснятые «ассистентские» фильмы, из двух академических театров выскочил, не выдержав матерных актерских реплик, кооперативная ресторанная кормежка заставила с подозрением прислушиваться к собственному желудку, а огромное количество нового алкоголя сделало недоверчивым и к привычным маркам вина и бренди. Все выглядело настолько уродливым, что в этом был даже какой-то свой привлекательный шарм. Больше всего его поразили разом в 300–500 раз снизившиеся тиражи газет и литературных журналов, еще два года назад бывших властителями всеобщих дум. Словно кто-то щелкнул выключателем, и люди перестали читать или подсознательно решили, что все писатели – главные лжецы и предатели страны и напрочь отреклись от них. Стало быть, перестройка словесная закончилась, понял Зацепин, и началась перестройка материально-бытовая.

Еще никуда не уезжал он и из-за Алекса, уж слишком на душе скребли кошки от того потрясения, которое они устроили для тринадцатилетнего мальчишки. Петр Иваныч хорошо помнил себя в этом возрасте и, ставя ныне себя на место Алекса, примерно представлял те внутренние перевороты, которые сейчас должны были происходить в голове и сердце Гонсалеса-младшего, и всеми силами хотел ему хоть немного помочь. Наверно, в Штатах в подобной ситуации к подростку приставили бы двух-трех психоаналитиков, в родной же Риге никому и в голову не приходило заморачиваться с чим-либо тонким внутренним самочувствием. Алекса

просто поместили в неврологию обычного военного госпиталя, с тем чтобы через две недели карантина отправить в закрытый интернат для детей иностранцев.

– Он не иностранец, он сын наших нелегалов и должен быть там, где дети нелегалов! – с жаром доказывал Зацепин своему шефу, подполковнику Шелеху.

– Ты же сам говоришь, что он в упор не желает признавать себя русским. И хочешь, чтобы он сразу куда не надо попал.

– Я считаю, для него самый подходящий вариант – сто четырнадцатая школа.

– И думать о ней не моги. Там ниже полковничих детей не бывает. К тому же у нас с Исабелью еще полная неясность.

– Вы же сами Карлоса на орден подавали… – не отставал капитан.

– Тогда сам иди и делай за две недели из пацана русского патриота, – пошел на уступку подполковник.

И оформив себе официальное кураторство над Сашей Копыловым, Зацепин принялся через день навещать своего протеже, дабы в намеченный срок превратить его из яростного русофоба в милого сердцу русофила.

– Я требую коста-риканского консула, – угрюмо начинал юноша, едва куратор входил в его двухместную палату.

Вторую койку занимал неразговорчивый лейтенант-десантник, который сразу же при виде Зацепина выходил из палаты.

– Тебя зовут Александр Сергеевич Копылов, зачем тебе коста-риканский консул? – терпеливо повторял по-испански Петр Иваныч.

– Я не верю ни одному вашему слову! Мои родители никогда не были шпионами. Тем более русскими! Это сплошная ложь! Я требую консула.

– Ты тоже русский и родился в России.

– Папа родом из Валенсии, а мама из Уругвая. Они познакомились, когда учились в Мадриде, – упрямо повторял Алекс.

На этом обычно их обязательная программа заканчивалась и начиналась произвольная.

– …Ты же сам видел, как все было, – призывал к простой логике Зацепин.

– В том железном ящике могли быть либо наркотики, либо деньги, – гнул свое подросток.

– И что?

– Вы переправляли в Штаты наркотики, а папу заставили их у себя хранить.

– …Разве ты никогда не замечал, что твои родители немного отличаются от других ваших знакомых и соседей? – начинал с другого конца капитан.

– Они получили хорошее образование, только и всего.

– …Они тебе рассказывали про свои детские годы?

– Рассказывали.

– И ты никогда не замечал некоторые нестыковки в этих рассказах?

– Никаких нестыковок не было.

На четвертое посещение Петра осенила новая идея.

– Ты когда-нибудь видел альбом с детскими фотографиями своих родителей?

Алекс это тоже не смущило.

– Их альбомы пропали, когда мы переезжали из Аргентины в Коста-Рику.

– Через два дня я привезу и покажу тебе их детские альбомы. Хорошо?

– Я знаю, что такое фотомонтаж. Вы просто их подделаете.

– Неужели считаешь, что из-за тебя вся наша служба бросит все дела и будет заниматься детским фотомонтажом? Просто твои отец и мать настоящие русские герои, и мы хотим помочь стать на ноги их сыну.

После пяти минут такого диалога Алекс обычно напрочь замолкал, не желая дальше разговаривать с «дядей Альберто». Во всем госпитале больше никто не говорил по-испански, но

Петр знал, что Алекс несколько раз обращался к медсестрам и врачу по-английски, требуя все того же коста-риканского консула. Однажды даже попытался покинуть госпиталь в больничной пижаме, но был остановлен. И все же на восьмой или десятый раз их диалог чуть расширился.

– Что стало с моей мамой? – спросил Алекс после небольшого молчания.

– Про нее мы еще ничего не знаем.

– А где похоронили папу?

– Я привез урну с его прахом сюда, в Москву. Когда ты чуть поправишься, мы проведем церемонию захоронения.

Возникла продолжительная пауза.

– Вы тоже будете делать из меня русского шпиона? – неожиданно произнес Алекс.

– Увы, эту честь еще надо заслужить. Получи сначала обычное среднее образование. Уверяю тебя, оно здесь более качественное, чем в твоей американской элитной школе. Тебе придется очень постараться, чтобы не быть в нашей школе аутсайдером.

– А если я сбегу оттуда, меня посадят в тюрьму?

Петр, довольный возникшим общением, не удержался от снисходительного сарказма.

– Да, и еще будут долго пытать каленым железом, а потом расстреляют. Между прочим, у тебя здесь есть настоящая бабушка, мама Сергея Николаевича, твоего отца.

В глазах юноши на секунду вспыхнул живой огонек.

– А я могу ее увидеть?

– Ты хочешь общаться с бабушкой через переводчика?

– Она что, и английского не знает? – Интерес к мифической бабушке тут же угас.

Зацепину показалась подходящей мысль на какое-то время отправить парня к настоящей русской бабушке, из тех, на которых, как известно, все российское воспитание держится. Но подполковник Шелех его идею не поддержал.

– Тринадцать лет это уже не тот возраст, чтобы от бабушек в восторг приходить. Давай лучше его в интернат оформляй.

– В сто четырнадцатый?

Подполковник глянул на подчиненного тяжелым взглядом.

– Может, все-таки в другой, откуда ему труднее будет добираться до коста-риканского консульства? – проявил он свою осведомленность о больничных делах. – Погонами рискуешь.

– Да все с парнем будет хорошо, – заверил шефа капитан.

Глава 11

Все время своего нахождения в госпитале Алекс пребывал в глубоком ступоре. Он ел, спал, говорил какие-то слова, даже внятно спорил с дядей Альберто, но это продолжало оставаться частью его заторможенного состояния. Как ни странно, об отце и матери он сожалел меньше всего, не мог простить их молчания о своих взрослых тайнах. Почти целиком его заполняло ощущение беспомощной игрушки в руках обстоятельств, когда ничего и никак нельзя сделать. Единственным спасением было смотреть на себя как на героя киношного боевика: мол, что еще может приключиться с этим коста-риканским парнем? Ведь не может он вечно лететь в этих бесконечных самолетах и лежать на неприятно пахнущей больничной койке?

То, что его родители действительно русские шпионы, он понял еще на явочной квартире в Сан-Хосе, только не поверил, что они могут быть настоящими русскими, уроженцами России. Их просто как-то хитро завербовали, возможно, тогда, когда он лежал в больнице со своим солнечным ударом. Эти вербовщики наверняка пригрозили убить его, Алекса, если папа не будет с ними сотрудничать. Ведь недаром же на маму порой находили необъяснимые порывы какой-то болезненной нежности, когда она вдруг начинала обнимать и целовать его, своего сына. Теперь совершенно ясно, что так она выражала безвыходность их с папой положения.

Но во время бегства они стреляли в полицию, значит, уже только за это кругом виноваты. И ему, их сыну, в лучшем случае, даже если он вырвется от этих русских, грозит исправительная школа. Поэтому зря его в аэропортах пичкал какими-то таблетками дядя Альберто, он вовсе не собирался кричать, что его похитили. В его голове уже там, в Сан-Хосе, созрел совсем иной план. Пускай его вывезут, пускай куда-нибудь определят, а уж оттуда он найдет дорогу в американское или английское посольство. Чарли Джонс со своими техасскими родителями наверняка помогут, как-нибудь поручатся за него и вытащат в Штаты. Это виделось ему единственным выходом из сложившегося положения.

Поэтому, когда Альберто сообщил ему, что лечение закончено и можно ехать в школу-интернат, Алекс воспринял это как начало своего будущего побега. Готовность, с какой он начал собираться в дорогу, удивила Зацепина.

– Странно, почему ты не требуешь отвозить тебя к коста-риканскому консулу?

Алекс только выразительно глянул на куратора, не считая нужным отвечать. Даже когда Зацепин протянул ему пакет с отпечатанной фотосессией Камиллы, изъятой из его «Никона», он лишь мельком глянул на снимки, тут же спрятав пакет в сумку с вещами.

– Между прочим, это та школа, в которой училась твоя мама, – предпринял еще одну попытку расшевелить своего протеже Петр Иваныч. Однако ничто не дрогнуло в подростке и на этот раз.

По идеи Зацепину полагалось также оговорить с Алексом и его поведение в интернате, но это была палка о двух концах: предупрежденный о том, чего делать не надо, Копылов-младший как раз это и мог выкинуть, поэтому капитан ограничился лишь маленьkim замечанием:

– Предлагаю тебе хотя бы первое время не упоминать твое любимое коста-риканское консульство с посольством. А то ты можешь получить от ребят очень неприятное прозвище, от которого потом до конца школы не отделаешься.

Совет получился совершенно напрасным. Алекс, сменивший и без того уже две очень отличающиеся друг от друга школы, меньше всего собирался перед кем-либо пускаться в откровения о своей западнополушарной жизни.

Имелся еще вариант немедленного самовольного бегства сразу по прибытии в интернат, но про него тем более не следовало несговорчивому мальчишке упоминать. Вот и стал Зацепин на своей «Ладе-семерке» кружить по подмосковным дорогам так, чтобы даже опытному рецидивисту-уголовнику было ясно, что без знания местного языка отсюда в жизни не выбраться.

И их поездка из госпиталя в недалекий пригородный интернат вместо одного часа заняла все три часа. В воспитательных целях капитан специально еще дал крюк по столице с проездом вдоль Кремля и пристально поглядывал в зеркальце на сидевшего сзади Алекса, ожидая его интереса к новому экзотическому миру за окном. Да, паренек время от времени смотрел по сторонам, порой что-то провожал взглядом, однако даже дежурного любопытства в его глазах так и не появилось.

Чуть оживился он, когда за городом «Лада» Зацепина свернула с шоссе Энтузиастов и стала петлять по балашихинским лесным проселкам.

– Нравится лес? – не удержался от вопроса Петр.

– Вот еще! – Алекс с нарочитым равнодушием откинулся на спинку сиденья – запоминать дорогу, по которой они ехали, у него все равно не получалось.

Глава 12

Школа-интернат № 114 снаружи была похожа на советский круглогодичный пионерлагерь. Большая территория, покрытая березами и соснами, кроме двухэтажных жилых и учебных корпусов вмещала немало спортивных площадок и даже извилистую двухкилометровую беговую тропу с возведенными на ней препятствиями. Когда-то здесь имелись даже своя конюшня с верховыми лошадьми, оранжерея с цитрусовыми деревьями и глубокий бассейн для обучения аквалангистов. Однако к 1992 году все это пришло в полное запустение. На бассейне и оранжерее висели ржавые замки, а конюшня превратилась в склад металломолома.

Едва Зацепин просигналил, как ворота тут же открылись и пропустили его «Ладу» вовнутрь. За внешними воротами имелись еще одни ворота, внутренние, состоящие из одного железного шлагбаума. Не слишком серьезное препятствие, но оно открылось не раньше, чем вахтер, крепкий пятидесятилетний мужчина с цепким взглядом, проверил удостоверение Зацепина и письменное направление относительно его юного пассажира.

На спортивной площадке невдалеке от шлагбаума подростки без обычных мальчишеских всплесков двумя мячами бросали по баскетбольному щиту, играя в какую-то собственную игру. При виде незнакомой «Лады» они не остановились, лишь по очереди косились, стараясь разглядеть, кто именно в ней прибыл.

Петр был здесь впервые и тоже внимательно впитывал все окружающее. В целом школа производила довольно удручающее впечатление, не слишком соответствующее славе «янычарского лицея», как называли его между собой посвященные люди, — самого крутого из трех подмосковных интернатов, в которых жили и учились дети разведчиков-нелегалов и разного рода военных советников. Внешность подростков и их одежда были самыми обыкновенными. Разве что по-армейски чистые и ухоженные дорожки и то, что один из мальчишек, съев конфету, побежал за десять метров выбросить фантик в мусорку. Невдалеке сидели на скамейке три девочки и тоже не шумели, а сосредоточенно читали каждая свою книгу. Промелькнули и два молодых учителя-воспитателя в спортивных костюмах, которые сами по себе разминались на гимнастических снарядах. Был во всем этом какой-то особый порядок, вовсе не свойственный заведению, где собраны три сотни детей от десяти до семнадцати лет.

— Как можно увидеть директора? — спросил Петр, заходя вместе с Алексом в учебный корпус.

— Там, — указал белоголовый пятиклассник, воспитанно указывая не пальцем, а легким движением всей руки.

Директор Вадим Вадимыч, моложавый пенсионер со строгим лицом, встретил гостей сдержанно-учтиво:

— Мне уже звонили. Все подготовлено. А он что, в самом деле ни слова не понимает по-русски?

— Лишь то, что за десять дней услышал в госпитале. Думаю, это очень немного. Зато английский у него то, что надо, — счел должным сообщить капитан. — Только как бы это сделать так, чтобы он попал в класс со своими ровесниками, а не с теми, кто младше? Пускай даже он сначала и не будет справляться. Потом обязательно все наверстает.

Алекс сидел на стуле, куда его посадили, продолжая оставаться совершенно безучастным.

— На первую четверть определим в восьмой класс, а там посмотрим. Все будет зависеть от него самого. — И директор по телефону попросил секретаршу позвать старосту 8 «А».

— Я буду тебя раз в месяц навещать, — сказал по-испански Зацепин Алексу. — Я попросил, чтобы тебя определили в класс со своими ровесниками. Но если не будешь справляться, тебя переведут в младшую группу.

— Я понял, — буркнул Алекс.

Пора было прощаться. Петр пожал директору руку, а с Алексом ограничился лишь неким дружественным прощальным жестом, дабы не получить в ответ какую-нибудь малоприятную выходку.

Эта предусмотрительность передалась и директору. Оставшись в своем кабинете с Алексом один на один, он тоже просто сидел и ждал, для виду разглядывая какую-то деловую бумагу, давая возможность молодому человеку чуть передохнуть перед погружением в «шум и ярость» своих новых одноклассников.

Наконец в дверь коротко постучали и, не дожидаясь ответа, в кабинет заглянула староста 8 «А» Марина Сабеева, больше известная как Даниловна благодаря своему отчеству и привычке повелевать окружающими сверстниками. Вызов к директору ничего хорошего не сулил, поэтому она готовилась к решительному отпору насчет неблагополучия в своем классе.

– Вызывали, Вадим Вадимыч?

– Заходи и дверь закрой.

Даниловна вошла и настороженно покосилась на сидевшего у стены Алекса.

– Вот, Марина, новый ученик для вашего класса. Зовут Алекс Копылов.

– Вижу. И что? – по инерции ершисто ответила она.

– Его родители погибли. Он говорит по-испански и по-английски и ни слова не знает по-русски.

– Ничего себе заявка! – Даниловна сразу забыла о заготовленных претензиях к директору.

– Поэтому никакой вашей самостоятельной дедовщины чтоб не было. Хотя бы потому, что у парня не та закалка.

Это все же был камешек в ее старостин огород.

– Может быть, мне еще в мальчиковой спальне его оберегать?

– Или не справишься?

– Кто? Я не справлюсь?! Десять раз ха-ха! – Уверенность в собственной безупречности и правоте могла сподобить ее еще и не на такие дерзости. Слава богу, что новичок не понимал всех этих фамильярностей.

Вадим Вадимыч чуть помолчал, обдумывая, что еще ей сказать.

– Пока что он будет ходить только на английские уроки и на физкультуру. У вас сейчас, кажется, английская литература. Ну и веди его. Сначала покажи спальню, потом на урок. И вообще познакомь с нашими порядками. – Директор повернулся к Алексу и произнес на английском: – Иди с ней, она все покажет.

Алекс взял сумку и послушно вышел вместе с Даниловной в коридор.

– Ты что, в самом деле ни слова по-русски? – Она тоже перешла на английский.

Новичок лишь угрюмо кивнул.

– Меня зовут Марина, но все называют Даниловной. У меня тоже родителей как бы нет. Последний раз я их видела год назад. Зато есть три родных дяди и две тети. Но к ним я жить никогда не пойду.

Если она хотела уравняться с Алексом в сиротстве, то ей это не удалось. Некоторую неловкость скрасил проходящий мимо шестиклассник.

– Даниловна-Ваниловна! Не поймаешь, не поймаешь!

Она топнула ногой, и малолетки след простыл. Требовалось сказать нечто такое, чтобы симпатичный новичок наконец прореагировал.

– Запомни главные слова при обращении с нашими пацанами. – И Марина произнесла по-русски с четким выговариванием всех согласных: – Дам в лоб. Ну?

– Дам в лоб, – повторил Саша Копылов первую свою русскую фразу с сильным акцентом.

– Годится, – одобрила ее новоявленная опекунша.

И забросив его сумку в мальчиковую спальню на шесть коек, они направились в кабинет английской литературы.

Глава 13

Весь 8 «А» состоял из пятнадцати мальчишек и семи девочек, этакий пацанский мирок, где потихоньку все сильней начинали царствовать дамы. По крайней мере авторитет Даниловны как старосты и главной волчицы стаи был для всех непререкаем. При появлении вместе с Мариной нового ученика про всяких Диккенсов и Хемингуэев в классе немедленно было забыто. Ребята лишь слушали разговор молодой учительницы с Алексом по-английски, что сначала вызывало у всех живой интерес, а под конец уже даже слегка и враждебное чувство. Да и как тут было не заревновать!

– И ты тоже объезжал на техасском ранче молодых лошадей? – спрашивала Вера Андреевна, молодая женщина, некогда отправленная из посольства в Дублине за аморалку на родину.

– Нет. Для неподготовленных людей это слишком опасно, – увлекшись чужим вниманием, разговорился Алекс. – Зато я лассо научился за лето бросать лучше Чарли. А еще мы гремучек ловили. Чарли пять поймал, а я четыре.

– А стрелять из кольтов приходилось?

– Да. В Техасе все мальчишки с десяти лет стрелять умеют. И многие девчонки тоже.

Алекс хотел еще похвастать тренировками в домашнем тире, но в последний момент все же предпочел умолчать об этом.

– А американцы к тебе как к человеку второго сорта не относились?

– Вовсе нет. Нормальные ребята. Я им на спор назвал всех их президентов, и они сразу меня за своего приняли. – Новичок старался отвечать обстоятельно и правдиво.

Такого издевательства над их унылой школьарской жизнью первым не выдержал Хазин, главный придумщик злых выходок. Из резинки, натянутой на пальцы, он выстрелил бумажной пулькой по ноге учительнице. Та вскрикнула от боли и неожиданности. Хазин моментом сдернул резинку с пальцев и принял самый невинный вид.

– Кто это сделал? – резко спросила учительница.

Класс молчал. Алекс дал время стрелку признаться самому, а потом просто указал на него:

– Вот этот!

Его стукачеством были поражены не только ученики, но и Вера Андреевна.

– Хазин, последнее тебе предупреждение, – невнятно сказала она. – Учи это.

Звонок с урока пришел ей на помощь. Прихватив учебный журнал, учительница поспешила вышла из класса. Застучали крышки столов, и мальчишки взяли Алекса в кольцо. Вторым, чисто наблюдательным кольцом стояли девчонки.

– Ну ты, ковбой хренов! – угрожающе начал Хазин специально по-русски, а не по-английски. – Шестерка американская!

– Дам в лоб, – вдруг четко по-русски произнес Копылов.

Хазин и остальные опешили.

– Пошли выйдем. – Хазин сделал привычный выразительный жест.

Алекса в толчки повели из кабинета на улицу.

Даниловна в делах пацанской чести могла мало что изменить, поэтому тоже шагала среди мальчишек, лишь стараясь помешать им исподтишка шпионаять Алекса.

– Хорош, ты, сзади!.. – покрикивала и лупила в ответ она. – А ну, не трожь его!.. Я кому сказала!.. Сейчас сам получишь!..

Задний двор учебного корпуса являлся идеальным местом для интернатовских разборок. Сюда и пригнали одноклассники Алекса.

– Ну что, хмырь заморский, – гнул свои русские оскорблении Хазин, набираясь нужной злости. – Доносчик недоделанный! Стукач сопливый!

Даниловна просунулась вперед.

– Хаза, ты других не подбивай. Сам один на один попробуй! – Больше всего она боялась, как бы заведенные такими словами мальчишки не накинулись на Алекса всей гурьбой.

Хазин чуть только зыркнул на нее.

– И попробую. Ну что, жертва Америки, абонемент к дантисту уже взял? – Хазин перешел на английский, как опытный драчун желая сначала как следует запугать противника.

Даниловна тем временем отталкивала в сторону других желающих врезать доносчику.

– Дам в лоб! – снова по-русски повторил Копылов. В запасе у него было немало подходящих английских ругательств, но сейчас они казались совсем не выразительными.

Негласный кодекс бескомпромиссных янычарских поединков требовал перед дракой дополнительно оскорбить еще и физически, поэтому Хазин не ударил, а просто провел кулаком Алексу по щеке, тот в ответ двумя руками отпихнул обидчика от себя – и драка началась.

Противник не казался Копылову слишком опасным, он был на полголовы ниже и не обладал большой мускулатурой, да и собственный победный опыт не давал Алексу сильно робеть. Чуть приподняв сжатые в кулаки кисти рук, он ждал, уверенный, что сумеет вовремя отбить любой выпад, и едва не поплатился за эту самонадеянность. Хазин стоял в двух шагах, вроде бы ни к чему не готовясь, и вдруг без всякого замаха ударил его ногой в пах. Алекс даже сам не понял, как ему удалось в последний момент резко крутнуться и поставить под удар бедро. Зато собственный стремительный выброс левого кулака угодил противнику по губам. После чего пошел яростный обмен ударами с обеих сторон. Хазин прежде всего рассчитывал на свою быстроту, но в Алексе он встретил бойца, ничуть ему в этом не уступающего. Промазывая с ударами, они на мгновение сходились в клинче и тут же отталкивались, чтобы снова дать простор кулакам. Хазин еще дважды пытался применить удар ногой, но тоже без особого эффекта. Оба уже были измазаны кровью, которая текла из разбитых губ и десен, однако ожесточение не ослабевало.

Вдруг все пацаны заорали:

– Бровь! Бровь! – И кинулись растаскивать обоих не замечающих собственной боли бультерьеров.

В самом деле, левая бровь Хазина была рассечена и из нее прямо на глаз текла кровь. Сражение окончилось.

– Let's go! – скомандовала Даниловна и повела Алекса приводить себя в порядок, в то время как мальчишки потащили Хазу в школьный медпункт. Недавно по телику все они смотрели бой боксеров-профессионалов, где много говорилось о тяжелых последствиях при рассечении бровей, поэтому сейчас не на шутку струхнули. В медпункте и в самом деле к ране Хазина отнеслись со всей серьезностью, тщательно промыли и наложили на нее несколько швов.

Даниловна же повела Алекса в мужской туалет. Пока он смывал кровь с лица и разбитых костяшек пальцев, она стояла рядом и не скрывала своего чуть насмешливого отношения к изрядно потрепанному победителю. По-английски она говорила с сильным акцентом, но очень ясно.

– А у вас что, там, в Америках, принято закладывать своих одноклассников?

– Хаза был прав? – спросил, вытирая носовым платком руки, Алекс.

– Нет. Он вообще-то пакостный парень. Ты мог на перемене подойти и врезать ему, если уж на то пошло.

– У вас что, всегда за подлость действует отложенное наказание?

В туалет заглянули два шестиклассника.

– Даниловна, нам по-маленьку.

– На второй этаж. Вэк отсюда! – Ей только стоило глянуть на них, и они тут же вылетели за дверь.

– Наверно, ты по-своему прав, – подумав, согласилась она. – Но больше старайся никогда не жаловаться на своих одноклассников. Договорились?

– А что означает «дам в лоб»?

– Ты разве не понял?

– В общем понял.

Она взяла у него платок и вытерла оставшееся на щеке пятнышко крови.

– Вообще-то ты сегодня молодец. Хаза надолго запомнил.

Глава 14

Эту школу-интернат недаром называли «янычарским лицеем». Мало того что в ней учились весьма крутые ребята, так и порядки здесь царили тоже достаточно своеобразные. Под видом кружков и факультативов пышным цветом прорастали дисциплины, приближенные к взрослым разведшколам и тренингу спецназовцев. Обязательное изучение трех иностранных языков, азбуки Морзе, книжных шифров, точечной фотографии, освоение пистолетов и автоматов нескольких видов, упражнения на развитие памяти и быстроту реакции, вождение машины и мотоцикла. Столь же обязательными были бальные танцы, изучение этикета высшего общества, карточных игр, ориентирование на местности и в незнакомых городских кварталах. Даже обычные образовательные предметы тут сумели сделать со своим уклоном. За любой устный ответ полагалось две оценки. Одну ставили «за технику» – то есть за сам ответ, вторую «за художественность» – когда оценивалось красноречие и выразительность ответа. Требовательность учителей была достаточно высокой, но плохие отметки редко кто из нихставил, только «четыре» или «пять», дабы с младых ногтей прививать ученикам чувство победителей. Да и сами школьники стремились к тому же, практикуя некое подобие школьного самоуправления, когда староста класса втайне от учителей заранее определял, кто назавтра будет тянуть руку и отвечать урок, и не дай бог, если назначенный «доброволец» не мог прилично выступить. Точно так же те, кто не укладывался в жесткие спортивные нормативы, получали индивидуальные наряды по «физре», которые обязаны были выполнять за счет своего личного времени.

Чтобы все это должным образом работало, существовали закрытые характеристики, или в просторечии доносы, которые «янычары» писали друг на друга с выставлением четких оценок за то или иное действие. Как это уживалось с их крайней нетерпимостью к стукачеству, никто не знал, но уживалось. Подразумевалось, что такие письменные характеристики не только развивают наблюдательные и аналитические способности у самих доносчиков, но помогают выстраивать собственную линию поведения и тем, кто оказывался «под наблюдением». Хочешь – носи маску непроницаемого человека, хочешь – коси под прямолинейную личность, а то и просто высокомерно игнорируй, что кто-то тебя вокруг оценивает и взвешивает.

Так, например, в трех подобных доносах за свой первый день Копылов умудрился получить три тройки за техасский выпендреж и стукачество и две пятерки с четверкой за качественное проведение самой драки.

Врачиха в медпункте, правда, попыталась поднять волну насчет чудовищного избиения Хазина, но классный руководитель восьмого «А», увидев синяки и ссадины Алекса, спустил это дело на тормозах. Каждый год трех-четырех учеников из «янычарского лицея» отчисляли за «морально-нравственную несостоятельность», но в отношении драк-поединков все обычно ограничивалось «115-м последним китайским предупреждением».

Отчисляли, надо сказать, отсюда тоже не на гражданку, а в похожие интернаты «гусаров» и «драгун», которые были столь же всем хороши, вот только из них на секретную государеву службу обычно попадали 15–20 процентов выпускников, а из «янычар» – 40–50 процентов. Особой гордостью 114-го интерната считалось то, что за всю 40-летнюю историю из его стен не вышел ни один предатель или перебежчик.

Обо всем этом Алексу еще только предстояло узнать. А пока что он в первый день продолжал впитывать особенности своей новой жизни: строгий выговор от классного руководителя, который не владел ни одним языком, кроме русского, и поэтому отчитывал драчуна с помощью Даниловны, невкусный апельсин за ужином в качестве изысканного десерта, часовой просмотр советских мультфильмов в видеозале и, наконец, спальню с открытой форточкой, от

которой исходил такой сентябрьский холод, что ему среди ночи в дополнение к одеялу пришлось облачаться в рубашку и джинсы.

Глава 15

Помимо Копылова в школе имелся еще с десяток испаноязычных учащихся, в основном детей военных советников, несколько лет поживших в латинских странах, но с ними Алекс встречался только на занятиях испанского языка, уже после первого общения поняв, что, несмотря на общий язык, они для него абсолютно чужие люди, хотя бы потому, что довольны своим пребыванием в этом учебном застенке.

Еще меньше симпатий он испытывал к своим соседям по комнате. Слишком буквально воспринял распоряжение классного руководителя больше говорить с новичком по-русски, они только в исключительных случаях снисходили до общения с ним по-английски. То, что их новосел побил Хазу, тоже особых дивидендов Алексу не принесло – каждый из однокомнатников боялся быть уличенным в симpatиях к драчливому чужаку, поэтому даже об элементарном товариществе с ними приходилось забыть.

Гораздо проще у Копылова происходило общение с одноклассницами, для них он был интересен и как экзотический латинос, и как парень, которому всегда можно было чем-то помочь. Однако их постоянное кокетство-заигрывание привело к обратному результату: Алекс стал испытывать к ним легкое презрение – слишком их ухватки напоминали поведение портowych шлюх в его Лимоне.

Вот и получилось, что все первое время он ощущал себя среди «янычар» настоящим изгоем: ни с кем толком не поговорить, от русского языка постоянно болела голова, успехи в учебе были нулевые, а ненависть ко всему окружающему только росла.

Разумеется, такое его поведение не могло укрыться от внимательных глаз учителей, ведь они тоже регулярно писали закрытые характеристики на своих учеников. По итогам первой учебной четверти классный руководитель, например, писал о нем следующее:

«Копылов Александр Сергеевич. За истекшие два месяца зарекомендовал себя весьма посредственно. Интереса к учебе и общению с одноклассниками не проявляет. Говорить по-русски, кроме как на занятиях по русскому языку отказывается. Предельно индивидуализирован, недоверчив, не склонен к дружеским отношениям с кем бы то ни было. У противоположного пола вызывает активную симпатию. Моральную травму, связанную с гибелью родителей, по-прежнему глубоко переживает, хотя внешне это тщательно скрывает. Российской историей и культурой не интересуется. Назначенные ему для просмотра фильмы о Великой Отечественной войне воспринимает с явным безразличием. Склонностей к спецпредметам и службе в армии у воспитанника не отмечено...»

Не лучше были отзывы и остальных учителей. Поэтому, когда в конце четверти встал вопрос об отчислении Алекса даже не в другую закрытую школу, а в обычное суворовское училище, в интернат примчался Зацепин просить директора оставить Копылова еще на одну четверть. После чего он долго общался со своим подопечным, выведя его от посторонних ушей и проницательных глаз за пределы интерната.

– В чем дело? Ты же всегда прекрасно учился в своей американской школе! Что тебя не устраивает? Ты хочешь в школу для умственно отсталых? Хорошо, я тебя туда переведу. Я понимаю, если бы тебя здесь все травили, оскорбляли, били. Но, насколько я знаю, ты сам тут кое-кого порядком отметелил и никто тебя после этого даже пальцем не касается. Ну что, как девочка, онемел, разговаривать разучился?..

– Я же просил отвезти меня в коста-риканское посольство, – невнятно оправдывался «янычар»-аутсайдер.

– Никто тебя до восемнадцати лет никуда не отвезет. Будет восемнадцать – сам все решишь. Между прочим, твои родители собирались на твое восемнадцатилетие купить крейсерскую яхту, отвезти тебя подальше в океан и там тебе все о себе рассказать.

Это известие, брошенное как бы мимоходом, порядком впечатлило Алекса, сбило с заранее заготовленного упрямого безразличия. Он почти захотел поговорить с Зацепиным об этом поподробней. Но сперва ему требовалось решить в отношении куратора самый важный вопрос:

– Почему вы тогда бросили мою маму?

Дядя Альберто ответил не сразу, подбирал нужные слова:

– Твоя мама – офицер, и ее приказ был приказом офицера. И твоя жизнь ей была дороже ее собственной жизни.

– Значит, уже я во всем виноват?

– Давай вернемся к этому разговору когда-нибудь позже, когда ты хоть немного разберешься, что такое быть русским человеком.

Алекс молчал, дверца в нормальное общение со свидетелем его прошлой жизни снова наглоухо захлопнулась. Зацепин в этот момент тоже ощущал себя не совсем уверенно, но вовсе не из-за Исабель. Как куратор Копылова, он только накануне обнаружил, что его протеже остался без всяких средств к существованию. Те приличные офицерские зарплаты, которые 12 лет копились на сберкнижках Сергея и Ирины Копыловых, в одночасье в условиях гиперинфляции 1992 года превратились в сущие копейки, но даже их ему как куратору не разрешили снимать со счета – чай, ты не официальный юридический опекун. Не сохранилось за Алексом и никакого жилья: его нелегалам всегда давали уже по окончательном возвращении на родину, и в наступившем экономическом и социальном раздрае добиваться жилья для сына разведчиков можно было не раньше его восемнадцатилетия. Это, кстати, тоже была одна из причин, почему Копылову-сыну необходимо было оставаться в интернате, а не попадать в какой-либо детский дом.

– Вот посмотри, что я тебе принес. – Зацепин протянул Алексу групповое школьное фото в картонном альбоме-распашонке. – Найдешь здесь кого-нибудь?

На фото на фоне легко узнаваемого фасада 114-й школы-интерната россыпью располагались снимки-медальоны восьмого класса за 1970 год. В выпускном, тогда еще десятом классе, делать такие альбомы было запрещено – слишком уже семнадцатилетки походили на самих себя будущих 20- и 30-летних, а после восьмого класса фотографирование еще допускалось.

Алекс внимательно рассмотрел снимки-медальоны, потом на один из них указал пальцем и вопросительно глянул на куратора.

– Все правильно. Это и есть твоя мама, Ирина Иволгина. Только отдать тебе это я не могу, фото из нашего архива и не положено к передаче кому бы то ни было. – Петр спрятал альбом в свою папку.

Они прогуливались по запущенному лесу, который давно никто не расчищал, вокруг лежало немало поваленных деревьев, ломаных сучьев, часто встречались проплешины от костров, с кучами мусора, оставленными любителями шашлыков. Зацепин даже пожалел, что вывел сюда Алекса, – подобное свинство мало подходило наставлениям о патриотизме.

– Знаешь, в некоторых школах по таиландскому боксу практикуется такой способ обучения: новичка выпускают на ринг против опытного бойца и тот избивает его до тех пор, пока новичок не теряет чувства самосохранения и, забыв о всякой боли, сам не бросается на обидчика. Мы для тебя все здесь сплошные обидчики, ну так почему бы тебе не показать, что ты сильнее всего этого… Твои родители точно так же были брошены отсюда в тот совершенно чуждый им тропический мир – и вспомни: разве ты хоть раз видел их в тоске и унынии? Они просто взнуздали этот мир, как норовистого жеребца, ну так и ты взнудай наш мир – разве это не мощная цель для твоего характера и упорства?..

И Зацепин увидел, что попал. Как подросток замер, весь прислушиваясь и примериваясь к прозвучавшим словам.

Глава 16

Следующая учебная четверть явилась для Алекса действительно переломной. Он продолжал по-прежнему слабо постигать русский язык, не находил радости и в новых для себя учебных предметах, не обрел и близких друзей, но это уже не имело большого значения: цель подчинить себе все вокруг была поставлена, и он принял решение решать ее, напрягая все свое воображение и выдумку. Вспомнил прежнюю учебу на опережение в Лимоне и решил применить ее и тут, в этой холодной, промозглой русской школе. Призвав на помощь Даниловну, он каждый вечер по полтора-два часа сидел с ней в классе для выполнения домашних заданий, заставляя ее переводить себе с русского на английский не то, что уже пройдено, а исключительно новые главы и параграфы.

— Чтобы я хотя бы понимал, о чем там будет идти речь, — объяснил он ей.

Для Даниловны это была дополнительная языковая практика, поэтому она охотно согласилась. В результате Алекс сидел теперь на русских уроках не совсем полным болваном, хоть и понимал лишь отдельные языковые конструкции. Одновременно мучительно искал, в чем именно он может проявить себя наилучшим образом — и в конце концов нашел. Помимо двух историй, российской и мировой, в их школе имелся еще и такой факультативный предмет, как «История войн». На нем подробно изучали все мировые сражения с их просчетами и успехами. Поприсутствовав на пяти-шести занятиях факультатива, Алекс вызвался сделать доклад о войне на Тихом океане на английском языке. Ни историк, ни классный руководитель не возражали.

И неделю спустя, повесив на доску большую карту мира и взяв в руки указку, Копылов приступил к делу. Названия армий и подразделений он, правда, порядком позабыл, зато хорошо помнил общее количество войск и кораблей, участвовавших на Тихом океане в каждом сражении, и общую хронологию событий, поэтому его указка летала от одних островов к другим, рисуя красочную и выразительную картину. На сравнение с Восточным фронтом она, конечно, не тянула, но с Западным фронтом была вполне сопоставима. А многое из того, что говорил Алекс, явилось откровением не только для учеников, но и для преподавателя. Он потом специально залез в энциклопедии и справочники, и оказалось, что Алекс почти ни в чем не ошибся. Через два дня после этого по просьбе историка он сделал такой же доклад в 8 «Б» и с тем же успехом. Классный руководитель даже хотел направить его выступить перед старшими классами, но военрук школы категорически воспротивился этому — нечего превозносить американскую доблесть, знаем мы, какие из них вояки были во Второй мировой войне.

Позже состоялись доклады Копылова о войнах XIX века в Южной и Центральной Америке, тоже совершенно неизвестных «янычарским» эрудитам. Популярность Алекса среди любителей истории стремительно пошла вверх. Даже одиннадцатиклассники несколько раз приглашали его в свою компанию поговорить на эти темы.

Вспомнил Алекс и о своем соревновании с песочными часами. Взял да и нарисовал шарж на военрука. Сначала общий смех возник только в их шестиместной спальне, потом переместился в класс и наконец стал гулять по всей школе. Следом стали распространяться карикатуры Алекса и на других учителей. К крайнему изумлению Копылова, никто его за такие художества не бранил, а некоторые из шаржей были даже вставлены в стенную газету — проповедуемый в интернате принцип равенства между учителями и учениками неукоснительно соблюдался. Было только с издевкой сказано:

— А на одноклассников что же боишься карикатуры рисовать?!

Пожалуйста — пошли рисованные пасквили и на одноклассников. И тоже ноль негативной реакции, а только один восторг и смех.

Коста-риканский Бидstrup был порядком озадачен – за то же самое в лимонской школе на него лезли с кулаками, здесь же даже учителя берут себе его рисунки на память для своего семейного архива, а девчонки требуют, чтобы он на их портретах оставлял свою роспись и дату подарения.

Дальше – больше. Все физвоспитание в интернате в основном проводилось на свежем воздухе, но и спортивный зал интерната тоже редко пустовал. Группа ребят из 10 «А» повадилась после занятий закрываться в нем и до одурения гонять мяч в некую разновидность мини-футбола.

– А можно я тоже попробую, – попросился однажды к ним Копылов.

– Ну попробуй, – снисходительно улыбнулись шестифутовые верзилы.

Алекс попробовал – и тут же стал для них желанным игроком. То, что в Коста-Рике считалось средним футбольным уровнем, здесь восприняли как высший класс. Умелый, ловкий и быстрый, он мог обвести полкоманды и выдать исключительный пас или даже сам забить каким-либо особенным артистическим образом, вызывавшим восторг даже у противника. Причем, держа в уме свою конечную взнуждательную цель, он почти всегда предпочитал осчастливить кого-нибудь другого, что, разумеется, оценивалось его новыми товарищами по гамбургскому счету.

Из спортивного зала десятиклассники нередко перемещались в подвальный тир, который был в два раза больше подвального тира Гонсалесов в Лимоне. Восьмиклассников водили сюда стрелять только из мелкашек, и лишь старшеклассникам позволялось тренироваться на пистолетах, «калашниковых» и американских самозарядках. Алекс на автоматы не претендовал, зато из «макарова» на первом же занятии показал едва ли не самый лучший результат школы и с тех пор тоже стал в тире завсегдатаем и знаменитостью.

И месяца не прошло, как уже почти все свое свободное время он проводил в стане десятиклассников, что наполнило его интернатовскую жизнь особым авантюрным смыслом. Разумеется, такая его автономность не могла сильно понравиться собственным одноклассникам. Больше всех возмущалась Даниловна:

– Ребята в классе обижаются, что ты слишком откровенно демонстрируешь им свое пренебрежение.

Можно было, конечно, отмахнуться от нее, но коста-риканские навыки деликатничанья с девчонками были еще слишком сильны в Алексе, поэтому ему проще было ответить серьезно:

– Кто-то сказал: хочешь быстрее стать взрослым, общайся только с теми, кто старше тебя. Да и вообще, разве это не мое законное право вести себя так, как мне самому нравится?

– Думаешь, мы все глупее тебя?

Обижать ее, говоря утвердительно, не хотелось, поэтому он чуть смягчил свои слова:

– Думаю, что вы все просто любите стоять на месте и ждать, когда с вами что-то произойдет, а я хочу быть в постоянном движении.

Даниловна лишь презрительно хмыкнула на это и буквально через несколько дней сумела доказать, что, по крайней мере, относительно ее умственных способностей он не совсем прав.

Видеозал, как и другие факультативные помещения, тоже был всегда в распоряжении старших классов, мол, берите кассеты и смотрите, что хотите. И однажды, когда десятому «А» вздумалось без преподавателя посмотреть «Заводной апельсин», Алекс взял с собой туда и Даниловну.

Как обычно подростки смотрят про ровесников-хулиганов? Ну конечно, со смехом, восторженными возгласами и циничными замечаниями. Копылов видел фильм еще в Лимоне, поэтому больше косился на свою соседку, как она воспримет героя, в честь которого родители назвали его Алексом.

В самых откровенных сценах Даниловна морщилась от отвращения, но продолжала внимательно смотреть.

Когда включили свет, кто-то из десятиклассников напрямую обратился к гостье:

– А что скажет наша юная леди?

Вопрос был задан по-русски, но Даниловна для Алекса ответила по-английски:

– Полная туфта.

– Это почему же? – даже чуть обиделся десятиклассник.

– Когда Алекс выпендривается, еще ничего. Зато полная ложа с самим перевоспитанием. Алексу силой раскрыли глаза и заставили смотреть на сцены насилия, и они его якобы ужаснули, а рядом сидели обычные врачи и со скукой смотрели на те же самые сцены. Их они почему-то не ужасали. Глупая английская выдумка для самых одноклеточных.

Два десятка ребят молча переваривали ее ответ.

– А ведь она в чем-то права, – похвалил кто-то.

Копылов почувствовал легкий укол: как он сам прежде этого не замечал. Вот тебе и собственные недалекие одноклассники. С той поры он стал относиться к Даниловне с чуть большим уважением, допуская, что она может понимать что-то глубже и оригинальней, чем он.

Что же касается самой старости, то ее отношение к Алексу можно было сравнить с некоторыми постоянно действующими качелями: восхищение – презрение, взгляд свысока – взгляд снизу, любование – раздражение.

Тут еще прозорливые девчонки начали подначивать ее:

– Признайся – ты просто влюблена в него.

– Конечно, прямо жить без него не могу, – сердито отмахивалась она.

На самом деле героями ее грез были сразу несколько ребят, в основном старшеклассников, причем каждый месяц фаворитом оказывался то один, то другой. Причина крылась в ее старательной подготовке к будущей двойной жизни. Любить правильных, пусть и успешных ребят – это же такая тоска. Иное дело – роман с разведчиком-нелегалом. Двойная-тройная опасность, двойной-тройной запрет – вот это да! Вот это настояще! И чтобы эта любовь непременно раскрутилась не здесь, а в Париже, Нью-Йорке, на худой конец в Лондоне. Именно там они должны случайно встретиться в качестве двух нелегалов, принадлежащих к разным резидентурам. Поэтому и обращала свой благосклонный взгляд на многих избранников, дабы было потом одному из них что рассказать про их совместную «янычарскую» юность. Ведь вряд ли кто-либо из них запомнит ее здесь, точно так же как не запоминает она сейчас пятиклашек и шестиклашек. А она ему все тогда про его школьство и выложит.

А Алекс, он что? Он просто друг. Конечно, если повезет и с ним точно так же столкнуться в Парижах-Лондонах, то и его не обойдет стороной ее романтическое сердце. Таков был расклад юной кандидатки в Маты Хари, навсегда отдавшую свое сердце лишь вожделенному статусу разведчицы-нелегалки.

Глава 17

В тот зимний день Даниловну с Алексом вызвал к себе директор.

— Копылову сегодня надо попасть на квартиру своего куратора, — объяснил им по-английски Вадим Вадимыч. — Зачем именно, я толком не понял, но надо. Поедете на машине с моим водителем, он адрес знает. Ты, Сабеева, пойдешь с Алексом до подъезда, водитель вас подождет, а потом все вместе назад в интернат. Все понятно?

Алекс встрепенулся.

— Мой куратор что-то узнал о маме?

— Не знаю. Сам все увидишь. Езжайте.

В том, что их фактически одних отправляли в незнакомое место мегаполиса в момент наибольшего разгула уличной преступности, не было ничего особенного. Кружок по ориентировке на местности был в их классе одним из самых любимых и посещаемых. Даниловна уже раз пять отправлялась с кем-нибудь в паре отыскивать какой-либо магазин или мастерскую: считалось, что с каким-нибудь конкретным поручением подростки в большей безопасности перед любыми уличными неприятностями. Так оно обычно и выходило. Алексу же такое путешествие предстояло впервые.

Зашепин жил в центре Москвы, в Малом Каретном. Прежде чем ехать, Даниловна внимательно сверилась с картой города, где был нанесен каждый дом, чтобы потом, никого ни о чем не спрашивая, точно найти нужный адрес. Ее предосторожность оказалась нeliшней. Покружиив по центру Москвы, директорская «Волга» уперлась в наглухо перекопанную улицу и огромную автомобильную пробку позади.

— Я знаю, как дальше найти. Ждите нас здесь, мы скоро будем, — сказала она водителю дяде Грише, и они с Алексом зашагали по неубранному вязкому тротуарному снегу.

Однако подойти к дому, даже если примерно знаешь, где он, оказалось непросто: почти все железные решетки в подворотнях были на замке.

Даниловна несколько раз косилась на озабоченного спутника и решила, что для важного разговора сейчас самый подходящий момент: надо же, в конце концов, выяснить, что она для него значит. Интернат для этого не самое лучшее место, здесь же они надолго без лишних свидетелей.

— Слушай, а ты вообще как ко мне относишься?

— Что ты имеешь в виду? — не понял он.

— Я на тебя трачу столько времени, а отдачи — ноль.

Если она хотела его озадачить, то ей это удалось.

— Что ты хочешь сказать?

— Ну нравлюсь я тебе или нет? — В мыслях этот вопрос ей казался легким и игристым, но, когда прозвучал вслух, сразил ее своей пафосностью.

Алекс уже успел немного освоиться с постоянной русской насмешливостью над всем и над всеми, поэтому счел нужным поинтересоваться:

— Ты серьезно спрашиваешь?

— Да уж куда серьезней. Признавайся давай. — Для убедительности она даже толкнула его кулаком в плечо.

— Боюсь, что нет. — Ответ Алекса сразил ее своей безжалостностью.

Даниловна приостановилась и гневно воззрилась на него.

— Ты что сказал?!

— Ну сказал. Ты спросила. — Он и не собирался извиняться.

— Да как ты смел такое сказать! — Ее возмущению не было предела.

— А в чем дело? — Копылов все еще не понимал или притворялся, что не понимает.

– Вот так взял и в грязь меня фейсом.

Они уже не шли, а стояли на месте как два поединщика. И Алекса по-прежнему мало волновали ее взорвавшиеся эмоции.

– Меня куратор ждет.

– Подождет твой куратор. Отвечай давай! Что тебя во мне не устраивает? – Ей захотелось разобраться с ним раз и навсегда.

– Прямо тут отвечать?

– А где? Прямо тут! – Плевать ей было на глазевших на ихссору прохожих.

Для Алекса же такое постороннее внимание всегда было крайне неприятно.

– Ты злишься – я ничего не буду говорить.

– Да говори уж. Царапаться не буду точно. Ну говори, что тебя во мне не устраивает? – не отставала задетая за живое староста.

– Ты слишком… активная.

– Это все?!

– Ты любишь резко выражаться, – чуть подумав, дополнил он.

– По-моему, при тебе я матом не ругаюсь.

– Не в этом дело. Ты все время хочешь быть самой крутой, а это не всем может нравиться. Она утвердительно кивнула.

– Я поняла, тебе это точно не нравится. Дальше!

– Я не курю, а ты куришь. Это как?

– Ты ни разу не говорил, что тебе это неприятно.

– А ты понимаешь только то, что тебе говорят? Сама догадаться не можешь?

Навстречу им двигалась толстая тетка-челнок с огромными сумками. Они, увлеченные разговором, стояли прямо на ее пути.

– Вот же малахольные прут, никого не замечая. Прочь с дороги, сказала! – Тетка угрожающе повела сумками.

– Кто это прет?! – Даниловна готова была тут же завестись, но успела перехватить укоризненный взгляд Алекса. – Ну конечно, тетечка, мы не правы. Спасибо вам за верное замечание. Мы исправимся. Мамой клянусь. – И схватив Алекса за рукав, она потащила его прочь.

Тетка, опустив сумки на землю, обалдело смотрела им вслед.

Так и не договорив до конца, они нашли в железных воротах открытую калитку и вошли в небольшой замкнутый двор с могучими старыми деревьями и полудюжины машин.

– Сюда, – указала староста на нужный подъезд. – Четырнадцатая квартира.

Сразу забыв об их стычке, Алекс торопливо нырнул в указанную дверь, не охваченную еще домофонными преградами.

Ждать его пришлось минут сорок. Впрочем, Даниловна особо не скучала, ходила по двору, качалась на детских качелях, снова прохаживалась. И пришла к важному решению: ведь, в конце концов, не только парни, но и девчонки должны чем-то поражать воображение представителей противоположного пола.

Наконец проскрипела дверь подъезда. Потрясенный и не совсем вменяемый вид Алекса изумил старосту. Она бросилась к нему:

– Ну как?! Рассказывай.

Он с недоумением посмотрел на нее, словно только сейчас вспомнив, что приехал сюда не один. Даниловна сообразила, что сейчас ей будет резкий ответ за назойливое любопытство, и перевела стрелки на другое:

– А я решила бросить курить. Прямо с этой минуты. Смотри. – Она скомкала и выбросила полупустую пачку сигарет. С его стороны на это был ноль эмоций. – Тебя там что, наркотиками накачали? Э, очнись! – Она потрясла Алекса за плечо.

Он хмуро посмотрел на нее:

– Мне надо побыть одному. Хорошо?

– Одному? А ты точно в норме?

– Уйди. Ну, пожалуйста, уйди!

– Нас машина ждет, – напомнила она.

– Хорошо, – сердито бросил Копылов и быстро зашагал в сторону оставленной машины.

Даниловна еле поспевала за ним.

Глава 18

Зацепин встретил его в прихожей. Вид у него был совсем не такой вальяжный, как обычно. Все плохо, мгновенно понял Алекс.

— Проходи, — по-испански пригласил хозяин. От него исходил сильный запах алкоголя.

Они прошли вглубь квартиры. Любой россиянин обратил бы внимание на высокие потолки с лепниной, громоздкую старинную мебель, сверкающие повсюду хрустальные люстры и бра, для Алекса же все это выглядело весьма старомодно и заурядно.

В гостиной находился овальный обеденный стол, накрытый парадной скатертью. На нем была бутылка водки и нехитрая закуска из соленых огурцов, сыра и бутербродов с красной икрой. Еще на столе стоял портрет Исабель с черной лентой, прислоненный к вазе с четырьмя гвоздиками.

Алекс потерянно смотрел на портрет и все равно ждал объяснения.

— Сегодня сорок дней со смерти твоей мамы.

Петр сел за стол и налил две рюмки водки, третья рюмка с водкой стояла возле портрета.

Алекс сам удивился словам, которые вышли из него:

— Ее казнили?

Куратор отрицательно качнул головой.

— Она вскрыла себе в камере вены.

Зацепин жестом указал на второй стул. Алекс сел.

— Вы так мне и не привезли альбом с детскими фотографиями, — вспомнил вдруг Алекс.

— Ты особенно не настаивал, поэтому и не привозил. Ну что, помянем?

— Я пить не буду. Это вы во всем виноваты. Вы привезли им свою неудачу. — Алекс сказал это без всякого зла, просто как констатацию факта.

Петр на упрек не прореагировал. Медленно выпил рюмку, чтобы в полной мере почувствовать ее горечь, и понюхал кусочек черного хлеба, лежащий перед ним на тарелке.

— А ведь я был влюблена в твою мать. Ладно, не хочешь пить, тогда смотри видео.

Куратор включил телевизор и видеоплеер. По экрану пошла рябь. Положив дистанционки на стол, Петр встал и вышел из гостиной.

На телеэкране появилось изображение Исабель на фоне какой-то неопределенной зеленой драпировки.

— Если ты, Алекс, смотришь сейчас это видео, значит, со мной и папой случилось что-то очень плохое, — по-испански заговорила она. — Твое настоящее имя Александр Сергеевич Копылов. Ты русский и родился в России. Я понимаю, для тебя это открытие — большое потрясение. Но по-другому было никак нельзя. Мы с папой очень любили и любим тебя и не хотели с тобой разлучаться ни на один день. Я думаю, ты достойно выдержишь любые испытания. О нас с папой особенно не горюй, мы прожили самую яркую, самую интересную жизнь, какая была только возможна. И вообще не грусти о прошлом, а стремись в сверкающее будущее. Как только выучишь русский язык, шестая часть планеты будет у твоих ног. Мы с папой надеемся, что ты всегда будешь поступать по-гулливерски, а не по-лилипутски.

Исабель вдруг закрыла лицо ладонями.

— Вот видишь, всегда умела держаться, а тут плачу. Люблю тебя, мой хороший. Мой самый лучший сын на свете. Сыночка моя. — Последние слова она произнесла по-русски.

По экрану пошла рябь — запись закончилась.

В комнату заглянул Зацепин, подошел к окну и остановился там спиной к своему подопечному.

— Я могу взять эту кассету? — только и спросил Копылов.

– Нет. Но ты можешь взять ключ от этой квартиры и всегда сюда приезжать и смотреть ее здесь.

– Что было в том железном ящике?

– Откуда я знаю? Я отдал его еще там, в посольстве.

– Это было что-то важное?

– Кто же тебе это скажет? Наверное. Твоего отца, между прочим, наградили орденом Красной Звезды.

– А маму?

– Маму наградят чуть позже. – Петр сказал это почти машинально и тут же спохватился, как это двусмысленно прозвучало, мол, нужно еще узнать, как она вела себя на допросах.

– А почему она не смогла убежать? – Алекс спрашивал совершенно спокойно – слишком все уже успело в нем перегореть.

– Ее в лесу укусила змея, и она вынуждена была обратиться в больницу. Там ее и арестовали.

– А ее нельзя было как-то спасти или на кого-нибудь обменять?

– У нее был хороший адвокат и не было прямых улик, указывающих, что она стреляла, но присяжные все же признали ее виновной в неподчинении полиции. А потом уже, видимо, в тюрьме что-то случилось, что ей понадобилось вскрывать вены...

Часть вторая

Глава 1

Подполковник ГРУ Шелех, поблескивая сократовским лбом, наводил шмон в своем служебном кабинете: что-то мелко рвал, что-то засовывал в дипломат. Одетый в малоприметный костюм, он был похож на рядового бухгалтера. Сидя на одном из стульев, что стояли в ряд у стены, Петр Зацепин удивленно смотрел на действия шефа. Не глядя на капитана, тоже, как и все в их кабинете, одетого в гражданку, подполковник бросил:

– Скажи спасибо Ельцину, что ты за провал Копыловых отделался легким испугом. В другое время так бы с рук не сошло. У тебя, кстати, запасной аэродром подготовлен?

– Вы о чём, Нил Палыч? – По прошествии реабилитационного периода Петр уже позволял себе иногда подобные фамильярности.

– Ну так сокращение шагает по спецслужбам. Начали с генералов и полковников, скоро и до капитанов доберутся.

– Я как-то не думал об этом, – не совсем искренне признался Зацепин.

– А ты подумай. Сейчас коммерческие структуры нашего брата знаешь как растаскивают. А что, языками владеем, аналитический склад ума, кое-какие психологические навыки, не говоря о физической спецподготовке.

– А присяга?

– Ты еще кодекс строителя коммунизма вспомни, – криво осклабился подполковник. – Как там твой малолетний протеже поживает? Предлагаю не портить мальчишке жизнь и в нормальный интернат перевести.

– Это приказ?

– Я уже, знаешь, со вчерашнего дня ни над кем не приказчик. Просто старческое брюзжание. Ну все, чего сидишь? Ступай. Мне еще тайные схроны достать нужно.

Капитан встал и направился к выходу. Возле двери остановился, с сомнением глядя на шефа.

– Все нормально. Стреляться точно не буду. Иди! – угадал его опасение Шелех.

Да, продолжение службы получилось не совсем таким, как рассчитывал Петр. Сведения, полученные о судьбе Исабель, казалось, сняли с него последние претензии. Впору было снова надеяться на выезд за кордон. И вот на тебе!

Привычка к другому уровню жизни и приобретенная легкость обращения с финансами за полгода жизни в Москве изрядно облегчили денежные запасы Зацепина. Гиперинфляция съела вместе со сберкнижками четы Копыловых и его собственные заначки. Текущего офицерского жалованья едва хватало на травоядную жизнь, а ведь он млекопитающее вполне плотоядное и хорошая порция мяса должна лежать у него на тарелке если не три раза в день, то два точно.

Товарищи по службе уже подсказали выход: сдать трехкомнатную квартиру в центре богатеньким кооператорам, а самому снять панельную однохатку где-нибудь на окраине, разница между этими двумя суммами могла составить два его нынешних капитанских оклада. Ну почему, почему ему, элитному офицеру, это надо делать?!

Теперь еще отставка Шелеха. С ним он мог рассчитывать на заграничные командировки, без него – скорее всего, будет безвылазно в аналитическом отделе бумажки перебирать. А значит, придется, как ни сопротивляйся, в доставшуюся от родителей сталинскую трешку пускать чужих людей. Можно было, конечно, еще продать свою «Ладу-семерку», но перемещаться по Москве на общественном транспорте – это ведь вообще за гранью добра и зла. Хоть ты иди репетиторствуй по испанскому и английскому.

С такими невеселыми мыслями ровно в шесть вечера Петр покинул служебный кабинет. По своему рангу он не имел права на персональную стоянку, предназначенную только для старших офицеров, поэтому каждый день парковал «семерку» где придется, желательно рядом с более аппетитными иномарками. Сегодня это получилось у него в полутораста метрах от конторы.

Вот уже и «семерка» рядом, и даже забытые им на ветровом стекле дворники почему-то никто не потырил. Краем глаза капитан засек переходящих наперевес ему улицу двух высоких парней, но они были увлечены активной беседой и вовсе не с бандитскими лицами, поэтому тревожный звоночек прозвучал, лишь когда парни приблизились к нему до трех метров.

– Петр Иваныч? – осведомился тот, что был в очках, успокаивающе разводя в стороны пустые кисти рук.

– И что? – Зацепин весь напружиился для отпора.

– С вами хотят поговорить. Никакого криминала, – заверил очкарик.

Второй верзила со щекастым простодушным лицом махнул головой в сторону черного «мерседеса» у противоположной бровки тротуара.

– Не хочу, чтобы угнали мою раритетную движимость, – Зацепин сказал это, просто чтобы продемонстрировать свою невозмутимость.

– Я постою посторожу, – просто отреагировал щекастый.

– Однако и сервис у вас, – похвалил его Петр.

Вместе с очкариком они зашагали к «мерседесу». Второй охранник остался возле «Лады». Особой опасности для себя Зацепин не ощущал, что как раз и беспокоило: неужели это одна из дурацких проверок, о которых вспомнили в последнее время?

В «мерседесе» на заднем сиденье сидел пожилой мужчина с холеным лицом прирожденного барина или цековского работника. Очкарик распахнул перед капитаном заднюю дверцу, а сам направился к водительскому месту.

– Мы можем поговорить прямо здесь, – объяснил Барин из машины. – Только немного отъедем от вашей конторы.

Зацепин без лишних слов сел рядом с ним.

«Мерседес» действительно отъехал совсем недалеко, свернув в переулок и припарковался возле небольшого сквера.

Очкирик дисциплинированно выбрался из машины и чуть отошел, чтобы не мешать разговору.

– Времена сейчас не самые хлебные для вашей службы, – начал Барин.

Петр определенно его где-то видел, только не мог вспомнить где.

– Значит, вы и есть та коммерческая структура, которая переманивает нашего брата к себе?

– Почему вы так решили?

– А только что мой патрон об этом целую балладу спел, – усмехнулся Петр.

Барин сделал небольшую паузу. «А ведь он тоже из наших», – понял капитан.

– Объективный процесс. Ничего не поделаешь.

– Ну и как много мне мочить ваших конкурентов придется? Больше чем на два мокрых дела в неделю ни за что не согласен, – продолжал язвить Зацепин.

Его собеседник чуть поморщился.

– У вас превратное представление о некоторых вещах. Мне говорили, что вы умеете по первым словам вникать в суть ситуации. Как всегда, сильно преувеличили.

– Ситуация более чем понятна. Только я еще не дошел до ручки, чтобы менять окраску.

– Это нас как раз и устраивает.

– Что именно?

– Пока вопрос стоит так: вы хотите остаться там, где находитесь? – уточнил Барин.

– А есть другие варианты?

– Через неделю будет получен приказ о вашей отставке.

– Даже так! – воскликнул Петр, тут же почему-то поверив осведомленности собеседника.

– В наших силах сделать так, чтобы сокращение штата вас не коснулось.

– А взамен вы попросите меня об услуге, которая, может быть, никогда не понадобится, как говаривал дон Корлеоне.

Это сравнение чуть развеселило пожилого господина.

– Ну вот, вы все отлично понимаете. Со своей стороны мы берем обязательство, что интересы страны никогда никоим образом страдать не будут. Ведь именно это вас в первую очередь беспокоит?

Зацепин снова не смог удержаться от сарказма:

– Тайные махинации, а интересы страны не пострадают, вы великий волшебник из страны Оз, однако.

– И все-таки это так, – заверил Барин. – Есть силы, кровно заинтересованные в том, чтобы наши спецслужбы не только не пострадали, а вышли из этой ельцинщины еще более окрепшими и сильными. Видите, я вам даже конверт с валютой не предлагаю.

– Стало быть, это тянет на государственную измену на идеиной основе.

Теперь пришел черед пошутить работодателя.

– Ну что ж, примерно такого обмена мнениями я и ожидал. Потом будут вторые уговоры, и только на третий раз вы скажете «да». Показываю свою визитку, чтобы вы просто запомнили номер моего телефона. – Пожилой показал на десять секунд бумажный прямоугольник, на котором написано было лишь «Терехин В.Б.». – Запомнили? Звать Виталий Борисович. В отчете о личных контактах о нашей встрече лучше не упоминать. Могут возникнуть нежелательные для вас подозрения. Я понятно выражаюсь?

От этого школьного шантажа вся ситуация стала для капитана скучной и малоинтересной.

– Я могу идти? – сухо спросил он.

– Идите.

Зацепин вышел из машины. На водительское место сел охранник, и «мерседес» уехал. Когда Петр подошел к своей «семерке», щекастый приветливо взмахнул рукой и двинулся прочь. Через пару секунд его уже и след простыл.

Глава 2

Со времени поездки к куратору прошла уже неделя, а тоска Алекса все не проходила, став из острой и отчаянной тягучей и непрерывной. Отныне он действительно во всем мире остался один, абсолютно один. Несколько раз, когда вокруг никого не было, у него на глазах выступали слезы – так было жаль и себя, и своих родителей-неудачников, и ту приятную, комфортную жизнь, бывшую у него совсем недавно, и то великолепное будущее в Штатах, которое уже никогда не осуществится в том великолепном виде, в каком обещало быть совсем недавно.

Как романтическая, сентиментальная девчонка, он каждый день украдкой доставал из прикроватной тумбочки снимки той памятной фотосессии с Камиллой и, рассматривая их, любовался уже не столько своей пассией, сколько захваченными объективом частями сада и дома. Наверно, попроси он дядю Альберто, тот достал бы ему и фото родителей, однако такая просьба низводила его до положения обычного сиротки, и самолюбие не позволяло делать этого. Однако и простая угрюмая замкнутость была уже пройденным этапом, к которому не стоило снова возвращаться. Некоторое облегчение он теперь испытывал лишь в минуты агрессивного цинизма ко всем и ко всему. Главной жертвой этих его новых упражнений стала Даниловна.

– Ну и какой ты на меня донос написала на этот раз? – спрашивал он ее отныне почти каждое утро.

– Какой надо, такой и написала, – недовольно огрызалась староста.

– А когда целуешься с кем-то, об этом тоже докладываешь?

– Обязательно.

– А когда тебя за коленки хватают?

– В первую очередь.

– А если я схвачу?

– А схвати!

Он смотрел в ее побелевшие от злости глаза, понимал, что порядком переборщил, и отступал. Это было уже его собственное открытие, сделанное недавно. Пытаясь определить, чем здешние сверстники отличаются от своих одногодков в Западном полушарии, Алекс пришел к выводу, что все дело в их удивительном бесстрашии, с которым даже самые расчетливые из них могут поставить на кон все свое благополучие. Здравый смысл может сколько угодно внушать им, что надо все делать так-то и так-то, и вдруг из-за самого копеечного повода вспышка настроения – и возникают самые катастрофические последствия. Похоже, и Даниловне в один миг ничего не стоит поломать все их вроде бы устоявшееся приятельство.

– А ты знаешь, что все шпионки свои сведения получают только через постель? – доставал Алекс ее в следующий раз.

– А тебе какое дело?

– Просто порадовался за тебя.

– Тебе, может быть, тоже со старухами придется спать?

– Нет, я их лучше пытать буду.

– Размечтался! Все мачо всегда в глубине души женщин боятся, только прикидываются, что это не так.

– Чего их бояться?

– Подрастешь – узнаешь!

День-два на небольшое неразговаривание – и новая инквизиция.

– А представляешь, тебя в перестрелке возьмут и ранят. И будешь потом без ноги или без руки?

– Тебя уже ранили, и ничего, – пыжилась в ответ староста.

– Для мужчин раны совсем не то, что для женщин.

– Это почему же?

– Ну представь, ты разденешься на пляже, а у тебя на боку шрам, да к тебе ни один парень не подойдет. А тот, кого ты охмуряла в одежде, увидит тебя со шрамом и сразу отвалит прочь.

– Не отвалит.

– Еще как отвалит! – торжествовал юный гестаповец.

При всем при этом они старались никогда друг друга не касаться, а свою перепалку вели только один на один, что как-то странно их еще больше сближало между собой.

– Вадим Вадимыч, дайте мне телефон куратора Копылова, – потребовала Даниловна после первых столь непривычных грубостей своего несостоявшегося кавалера.

– Это еще зачем? – строго поинтересовался директор.

– Копылов после поездки к нему стал какой-то невменяемый. Я хочу узнать, что случилось.

– Хорошо, я позвоню куратору и узнаю, давать ли тебе его телефон, – пообещал Вадим Вадимыч. Он уже знал о смерти матери Алекса, но предпочел, чтобы куратор сам определил, что можно дружбанам и дружбанкам Копылова говорить, а что нет.

Зацепин в телефоне Даниловне отказал, предпочел приехать в интернат сам и поговорить со старостой о своем подопечном.

– Наш разговор с Алексом был о судьбе его родителей, только и всего, их судьба не очень хорошая. Но будет лучше, если ты его об этом расспрашивать не будешь. Насколько я знаю, в вашей школе не принято говорить о работе родителей. Это очень хорошее правило, и не стоит его нарушать.

Родители Алекса погибли на задании, поняла Даниловна и тут все ему простила, как говорится, и за вчерашнее и за завтрашнее.

Глава 3

Служебный кабинет Зацепина представлял собой маленький закуток, образованный разделением обычной комнаты на две половины. Но лучше было так, чем тесниться с кем-то бок о бок. В закутке стояла старая, еще советская мебель, а стены и потолок нуждались в основательном ремонте. Слава богу, что никаких сторонних посетителей, перед которыми могло быть стыдно, здесь никогда не появлялось.

Сегодня Петр после нескольких дней тихого саботажного безделья наконец сел за компьютер, составлять очередной аналитический отчет по поступившим в отдел за последнюю неделю разрозненным сведениям из Мексики и Панамы.

Вот зазвонил внутренний телефон. Зацепин нажал кнопку громкой связи, не желая прикладывать к уху трубку с голосом нового начальника.

– Да, Ростислав Григорьевич.

Чуть сиплый голос нового начальника отдела Берегового пробурчал:

– Зайди ко мне.

Капитан собрал лежащие на столе бумаги, запер их в сейфе и вышел.

В кабинете Шелеха все разительно изменилось. Вместо прежней аскетической суровости повсюду появились признаки некоторого комфорта и домашности. Особенно раздражала Зацепина стоявшая на столе фотография семейства нового начальника – ну прямо добропорядочный эсквайр, да и подставка для письменных принадлежностей с американским орланом – подарок агентов теперь якобы дружественного ЦРУ – тоже порядком резала глаза.

Хозяин кабинета, моложавый холеный молодец, лишь тремя годами и одним званием старше Зацепина, не сразу поднял глаза на стоящего перед ним подчиненного. Взяв из лотка с бумагами тоненький прозрачный скоросшиватель с недельной давности отчетом Петра об американцах, посещающих мексиканское посольство в Москве, Береговой небрежно бросил его на стол.

– Это что за такое кликушество ты написал? Впору все бросать и бежать арестовывать каждого второго американца, выходящего из мексиканского посольства.

– Не американца, а сотрудника спецслужб, – поправил Зацепин.

– Что это за совдеповские страхи?

– Разве собранные материалы не указывают...

– О чем они указывают, не тебе судить. Американцы наши коллеги. Слышал такое слово? КОЛЛЕГИ! И нечего на них бочки катить. Забирай свою писульку и сделай нужные купюры. А не нравится – рапорт на стол. Я подпишу.

Зацепин молча взял со стола свой отчет.

– Я могу быть свободен?

– И нечего на меня губы надувать! Иди.

«Губы надувать» особенно взбесило Петра: в их конторе, несмотря на гражданскую форму одежды, такого рода боязькая лексика была не в ходу. Либо Береговой хотел таким методом выживать его, либоставил на место, либо выпускал пар по поводу каких-то собственных, личных неприятностей. Как бы то ни было, в свой закуток капитан вернулся предельно заведенным. Походил из угла в угол, стиснув зубы и кулаки, затем, приняв решение, оделся и вышел. Контору он покинул с нарушением принятого порядка: в журнале ухода отметился, а своего грубияна-майора в известность не поставил.

Покрутившись в «семерке» по ближайшим узким улочкам, в это время дня почти полностью безлюдным, он оставил машину, прошелся немного пешком, свернув пару раз, и только после этого сунулся под стеклянный навес таксофона. Повернувшись так, чтобы видеть, кто мог бы за ним идти, он набрал номер. В трубке щелкнуло, но никто не отозвался.

– Алло, – произнес Петр. – Это я, капитан. Надо встретиться.

– Завтра. В семь пятнадцать. – И Терехин назвал адрес.

То, что встреча будет не сегодня, а только завтра, едва не расхолодило Зацепина. Возвращаться в контору не имело смысла. И, предварительно позвонив, он покатил к Зое, своей подруге.

Зоя жила на окраине Москвы на пятом этаже панельной пятиэтажки. Квартира была двухкомнатной и максимально ухоженной, какой может быть ухоженной панелька после тридцати лет эксплуатации. Паркет ужасающе скрипел, водопроводные трубы постоянно гудели, от проходящей в полукилометре электрички постоянно звенела люстра и бокалы в стеклянной секции.

Каждый раз, попадая сюда, Петр испытывал угрызения совести – почему надо устраивать любовное свидание здесь, а не в его сталинских апартаментах у Садового кольца. Но отчеты о личных встречах с другими людьми с него никто не снимал, а эти посещения окраинной хрущевки он в свои отчеты не включал. Ему это не ставили в вину ни до отъезда в Панаму два года назад, ни тем более сейчас, хотя он был уверен, что любовные связи своих сотрудников их контора по-прежнему отслеживает как надо.

Зоя работала в мелкой частной фирме, где отпрашиваться раньше времени совсем не поощрялось, но что не сделаешь для любимого кавалера. Петр от ресторана отказался и по соображениям экономии, и просто чтобы с подозрением не пытаться на посторонних. Предпочел накупить продуктов, из которых они с Зоей в четыре руки сварганили очень приличный ужин, разделенный на две части пылкими постельными объятиями. Для Зои Петр был военным советником, бывшим два года в Латинской Америке, – вполне нормальная отмазка, даже то, что он показывал ей тамошние города не по живым фото, а по журнальным иллюстрациям, ее ничуть не смущало.

В этом скромном любовном гнездышке, после столь будничных, но очень приятных утех, Зацепин снова почувствовал, как его дневная решительность еще больше пошатнулась. Одно дело были непотопляемые полковники, имеющие глубокие и разносторонние связи во властных структурах, другое дело – он, капитан, выбившийся в люди исключительно за счет своих личных способностей, за любой серьезный проступок ему грозил закрытый трибунал, после которого подсудимые могли исчезать бесследно, да и насчет обещанной от Терехина сладкой морковки были преобольшие сомнения. И тогда он стал искать другие аргументы в пользу уже принятого своего решения.

– А что у вас на работе говорят обо всем этом? – Широкий жест Петра в сторону окна и грохочущей электрички ясно дал понять подруге, что именно он имеет в виду.

– А что ты хочешь услышать? – спросила, усмехаясь, Зоя, прекрасно осведомленная о его взглядах на окружающую ельцинщину. – Что раньше, при советской власти, было лучше? Так это всегда и везде будут говорить. Что Горбачев во всем виноват? Что дал свободу, которой мы подавились?

Он поморщился: это действительно напоминало спор пенсионеров у пивнушки.

– Я не об этом. – Ему в голову пришел более свежий аргумент. – Я про то, что старый российский лозунг: монархия, православие и народ – представляет искажение более верного прежнего лозунга: монархия, православие и сословность. В семнадцатом году убрали сословность и все стали быдлом, только одно быдло было партийным, а другое беспартийным. К девяностому году сословия стали вырисовываться по новой. Кроме интеллигенции, рабочих и колхозников, появилась наследственная номенклатура – чем не новая аристократия? И вот снова все разломали. Теперь у нас опять бесклассовое общество, которое делится на быдло без денег и быдло с деньгами.

– А ты у нас к какому быдлу принадлежишь? – Зоя, держа на коленях его голову, шутливо взъерошила ему волосы.

– К быдлу, мечтающему разбогатеть.

– Ну и богатей, кто тебе не дает.

– Так ведь это почти криминал. Кстати, а криминал можно назвать видом производственной деятельности?

– Еще какой! – развеселилась она. – Знаешь, у братков от пистолетов какие мозоли? Вот такие! – Зоя показала какие.

– И если бы ты узнала, что и я в таком криминале замешан, то что?

– На это есть тюрьма. Ты в ней отсидишь свое и выйдешь совершенно чистым, невиновным человеком.

Такая простая логика его сразила.

– Ты правда так думаешь?

– Я пойду поставлю чайник, – сказала она и пошла на кухню.

Глава 4

Встреча с Терехиным на следующий день вышла совсем не такая, какую Петр ожидал. Виталий Борисович пришел в условленное место один и не соблюдал никаких видимых мер предосторожности. Словно это была случайная встреча старых знакомых, скажем, прежде живших где-то по соседству. Как казахи, едущие по степи, они долго говорили о том, что попадалось им на глаза: о кооперативном кафе, киоске с мягким мороженым, платном туалете.

Потом Терехин просто сказал:

– Пока никаких особых заданий вам не будет. Больших финансовых вливаний у нас нет, поэтому мы платим обычно борзыми щенками.

Зацепин, воздерживаясь конкретно спрашивать, просто скосил на собеседника вопросительный взгляд, и тот тут же ему ответил:

– Через несколько дней вы получите заграничную командировку на два-три месяца. Это и будут наши борзые щенки. Надо же вам доказать, что мы на что-то умеем влиять.

– Получив такой аванс, мне, наверное, будет потом трудно вам отказать?

– Ни в коей мере. Мы шантажом не занимаемся, нам нужны сугубо добровольцы. Будем считать это небольшим вам подарком. Пока нам достаточно, что о нашей предыдущей встрече вы никому не сообщили.

– Почему вы так уверены? – запротестовал капитан. – Разве вы не знаете, что помимо письменных отчетов существуют еще устные доклады, которые нигде не фиксируются.

– Езжайте в командировку, а после, если сочтете нужным, мне снова позвоните. – Виталий Борисович был само невозмутимое добродушие.

Его возможности Зацепин оценил уже через неделю по той злости и досаде, с которой Береговой отдал ему распоряжение готовиться к заграничному выезду.

В свою любимую Латинскую Америку Петр отбыл в качестве вербовщика. Формально в этом не было ничего удивительного. Профессиональных кадров в их конторе становилось все меньше, поэтому был резон проверить по этой самой трудной заграничной специализации и другие кадры бывальных разведчиков-нелегалов.

Командировка вышла пятьдесят на пятьдесят: в двух местах Зацепину сопутствовала удача, в двух – проигрыш. Но начальство в особой претензии не было. После развода Союза и уменьшения общего финансирования желающих сотрудничать с российской военной разведкой становилось все меньше.

Глава 5

Имеется кошка. Нет кошки. Даю кошке. Вижу кошку. Интересуюсь кошкой. Думаю о кошке. Уф! С ума сойти! Шесть падежей на одну бедную кошку. Как они только со всем этим разбираются? А буква «ы», которую не выговоришь, в собственной фамилии чего стоит! Еще и кошмарный свободный порядок слов в придачу.

«Мама мыла раму. Мама раму мыла. Мыла мама раму. Раму мыла мама. Раму мама мыла». Три слова – шесть сочетаний. Если слов четыре, то фраз будет двадцать четыре. А от пяти слов и вовсе сто двадцать сочетаний. И все будет абсолютно грамотно. Как они в этой мешанине ухитряются находить что-то особо точное?

К концу восьмого класса Алекс не просто занимался русским языком, он впитывал его в себя килограммами и литрами. Даже по ночам ему снились совершенное и несовершенное время, синонимы и антонимы, печатные ругательства и непечатный мат. Он мог уже прочитать вслух любой текст, хоть и понимал из него едва ли четвертую часть. Самое удивительное, что он уже мог и писать со слуха достаточно правильно, порой только догадываясь о смысле написанного.

Одна из методик его обучения состояла в том, что одну и ту же книгу его заставляли читать и переписывать по несколько раз, чтобы сначала он понимал хотя бы общий смысл, потом мог усваивать часть текста, дальше еще больше и наконец процентов девяносто изучаемой книги.

Сегодня это был «Тарас Бульба», по которому он наедине с учительницей писал диктант.

– «...Бульба был упрям страшно. Это был один из тех характеров, которые могли возникнуть только в тяжелый XV век на полукочующем углу Европы, когда вся южная первобытная Россия, оставленная своими князьями...» Успеваешь? – спрашивала учительница, немолодая уже женщина с красиво уложенными на затылке волосами.

– Ольга Александровна, а почему эти тексты только из девятнадцатый век? – составив сначала эту фразу в голове, с сильным акцентом поинтересовался Алекс. – Разве в наше время в Россия совсем нет хорошие тексты?

– Да как бы тебе сказать? Сейчас все так перевернуто с ног на голову, что лучше опираться на старую, проверенную временем русскую классику.

– А казаки, паны, светлицы, хаты – это тоже очень нужно?

Она ответила не сразу.

– Ты хочешь потом бегать в библиотеку и непонятные слова по толковому словарю проверять?..

В класс не вошла, а ворвалась Даниловна.

– Ольга Александровна, а можно я у вас посижу?

Учительница строго посмотрела на нее.

– Только тебя тут и не хватало!

– Вы хотите, чтобы я обиделась и пошла хулиганить? Вот я не хочу хулиганить, а вы заставляете.

Ольга Александровна слегка встала в тупик от такой логики.

– Ты же Копылову мешать будешь?

– Он справится! – уверенно заявила староста.

– Ну что с тобой делать? Сиди.

Даниловна села на приличном расстоянии, знаками показывая, что она ниже травы, тише воды.

Алекс с трудом подавил улыбку. Учительница покачала головой и вернулась к диктанту.

«...оставленная своими князьями, была опустошена, выужжена дотла неукротимыми набегами монгольских хищников, когда, лишившись дома и кровли, стал здесь отважен человек...» Написал?

– Сейчас. «...отважен человек»... – Копылов старательно писал.

– А он правда делает на странице уже не тридцать ошибок, а двадцать пять?.. – Терпения Даниловне хватило ненадолго.

Ольга Александровна гневно замерла. Потом подошла к Алексу и протянула руку. Он послушно отдал ей то, что успел написать. И не глядя на гостью, учительница вышла из класса.

Алекс с укором посмотрел на старость.

– Ну что я такого сказала?! – искренне недоумевала великовозрастная шалунья.

– У тебя кожа, наверно, как у слона.

– Э! Э! Фильтрой базар!.. Ну иди, еще извинись перед ней за меня. С тебя станется.

– А-а! – Алекс с тем же безнадежным выражением, что и учительница, махнул рукой, мол, что с тобой говорить.

Они вышли в коридор.

– Между прочим, тебя сегодня с вещами увозят, – сообщила девушка. – Вскрылись твои старые преступления, и все – прощай, Алекс!

Он остановился и обалдело на нее уставился.

– Да ты что, шуток не понимаешь. – Даниловна по-дружески толкнула его в плечо. Это было едва ли не первое ее прикосновение к нему, но Копылов даже не заметил этого. – За тобой куратор приехал. Куда-то тебя везет на все лето. Мне сказали тебя собрать.

Куратор? Всю весну о нем было ни слуху ни духу. И вот снова нарисовался.

Они прошли на крытую галерею, соединяющую учебный корпус со спальным.

– А как же экзамены? – вспомнил Алекс.

– Осенью сдашь. Тебе сейчас все равно их не сдать.

В мальчиковой спальне было засилье цветных глянцевых пятен. У изголовья каждой из шести кроватей на стене красовались вырезанные из газет и журналов фото. По заведенному порядку каждому воспитаннику разрешалось повесить не больше трех картинок – только Хазин повесил себе пять, доказав классному руководителю, что если Копылов повесил одну, то он за счет этого может повесить себе на две больше. В основном это были снимки обнаженных красавиц и культистов, и только у Алекса висел тихоокеанский атолл с пальмами и сверкающей водной гладью. Еще у каждого из ребят имелась своя книжная полка, на которой стояли учебники и беллетристика.

Пока он бросал в сумку рубашки и носки, Даниловна разглядывала его книги и журналы.

– Покажи мне ее фотографии? – вдруг попросила она.

– Чей? – не понял Алекс.

– Ну той девчонки из Коста-Рики. Пацаны сказали, что есть у тебя.

– В тумбочке. – Он даже не стал отходить от шкафа с одеждой.

Староста открыла тумбочку. Достала из пакета и внимательно просмотрела все фото Камиллы.

– Ты с ней целовался?

Вопрос, что называется, в лоб. А можно ли то, что было с Камиллой, назвать настоящим поцелуем? Да и с какой стати он должен отвечать?

Алекс присел на стул переобуться.

– Какие еще вопросы?

– Ну как хоть зовут, скажи.

– Камилла. Довольна?

Даниловна вытащила из ящика медальон, который при бегстве из Лимона оказался у него в кармашке рубашки.

– Это от нее?

– Нет, от мамы. Он не открывается.

Староста что-то зацепила ногтем, и медальон открылся.

– Да запросто открывается. Тут какая-то штука. Из золота, что ли? – Она с удивлением смотрела на чип внутри медальона.

– Потом посмотрю. – Алекс мельком глянул на желтую плоскую штучку, закрыл медальон и сунул себе в карман.

Зацепин поджидал их на стоянке для машин. С Алексом они, как всегда, не обменялись ни приветствием, ни рукопожатием, зато Даниловне «дядя Альберто» улыбнулся, как улыбаются симпатичным женщинам.

– Не жалко расставаться с этим врединой?

– Очень-преочень жалко, я его еще не слишком достала, – задорно откликнулась староста.

Алекс недоуменно переводил взгляд с одного на другую – все слова ему были понятны, саркастический тон тоже, а вот со смыслом сказанного пока было не очень.

– А чего такая радостная? – уже садясь в машину, спросил Зацепин.

– Родители домой возвращаются.

– Ого! Поздравляю! – оценил новость капитан. – Это сколько же их не было?

– Почти два года. – Лицо Даниловны и в самом деле сияло, как капот новенькой иномарки.

Глава 6

– Почему ты не спрашиваешь, куда мы едем? – поинтересовался Петр, как только они выехали за ворота интерната.

Алекс ответил не сразу, предпочитал равнодушно смотреть в окно.

– Наверно, к моей бабушке.

– Пятерка за догадливость. – И куратор надолго замолчал, чтобы зря не метать бисер перед малолетним злюкой.

Они действительно ехали к Евдокии Никитичне, матери отца Алекса. Предварительно Петр уже побывал там, навел нужные мосты. Бабе Дуне еще осенью представитель военкомата сообщил о гибели сына, при этом вскользь сказав, что ее невестка и внук живы, но находятся вне России. И Евдокия Никитична, не очень жаловавшая жену сына, решила, что Ирина успела развестись с ее сыном, ну и конечно, в нищую Россию уже никогда не вернется и внука, разумеется, тоже не отдаст.

Неожиданный визит Зацепина и сообщение о наличии совсем рядом родного внука вызвал в пожилой женщине такой взрыв эмоций, что капитану едва удалось уговорить ее подождать до конца мая. Да и нужно было как-то подкорректировать весьма щекотливый вопрос о бытовых кондициях для своим равногодростка. Небольшой опрятный домик из трех крохотных комнат и застекленной террасы содержал массу вещей вполне экзотических даже для коренных москвичей и мог стать камнем преткновения для вчерашнего латиноса. Через пару дней все это, можно не сомневаться, придет в норму, но Петр порядком опасался за первое сильное отторжение Алексом российских деревенских реалий.

В дрожь привело Зацепина даже постельное белье, которое он подсмотрел, заглянув в комод, пока баба Дуня выбегала выгонять с огорода соседских кур. Совершенно чистое, оно за долгие годы пользования истончилось до полной прозрачности. Черно-белый телевизор, пустой холодильник-тумбочка и обилие икон довершили тревожный баланс. Светлым пятном явился примыкающий к террасе кирпичный санузел, который своими руками возвел Сергей Копылов перед самым отъездом на чужбину. Здесь были и ванна, и унитаз, и титан для горячей воды, но за пятнадцать лет все это теперь держалось на честном слове и, чтобы просто принять душ, необходимо было проявить известную сноровку.

Ну и конечно, шестифутового недоросля затруднительно было прокормить целое лето на бабушкину пенсию. Поэтому, кроме двух смен постельного белья, электрочайника и видеоплеера, Петр вез еще поддельные накладные, по которым собирался передать Евдокии Никитичне некую сумму, якобы выдаваемую армейским интендантством на содержание Алекса. После приятного во всех смыслах вояжа в Западное полушарие у него образовались некоторые валютные излишки, позволившие ему не только сохранить свою сталинскую квартиру, но и понести такие вот филантропические расходы.

До цели поездки, райцентра во Владимирской области, было не слишком далеко, но две пробки на железнодорожных переездах сильно затянули их путешествие. Поэтому отмолчав свое, куратор счел нужным сообщить необходимые инструкции:

– Будет лучше, чтобы ты Евдокии Никитичне ничего о своих родителях не рассказывал. Запомни: для нее твой отец был военным советником на Кубе. Погиб при несчастном случае. Вертолет разбился во время грозы в горах.

– Выходит, тоже я был в Кубе? И мама с военные советники тоже на вертолет находился? – Алекс, как всегда, не затруднял себя предлогами и падежными окончаниями.

Зацепин чуть призадумался.

– Я думаю, о катастрофе она тебя спрашивать не будет.

– Почему?

- Потому что пожалеет твою неокрепшую психику. Вот почему!
- А что мне о Куба рассказывать, если я там не быть?
- Куратор нетерпеливо вздохнул.
- Ну ты совсем как маленький. Про пальмы, море, бананы на деревьях.
- Алекс обдумывал ситуацию.
- А как мне к ней обращаться?
- Как? «Бабушка, бабуся». Нет, для начала просто «бабушка». «Бабуся» – это уже для хорошо любимых внуков.
- Но шутка капитана по назначению не попала.
- А что я там целый день делать? У нее компьютер есть?
- Какой компьютер? Слава богу, чтобы черно-белый телевизор не сломался. Я тебе видеоплеер везу и два десятка видеокассет. Там у соседских ребят наверняка есть свои кассеты, будешь меняться с ними и смотреть.
- Моя такая бабушка бедная?
- Да уж не кооператор, это точно, – хмыкнул Петр.
- Я могу, если захочеть, раньше время на интернат вернуться?
- Куратор внимательно покосился на подопечного.
- Ты так его полюбил?!
- Я просто спросить. А свои деньги у меня будут?
- Тридцать долларов. В рублях.
- На три месяца? – уточнил Алекс.
- Сейчас это пенсия твоей бабушки за три месяца, если не за четыре.
- На Алекса это произвело сильное впечатление:
- Ничего себе!
- Они немного помолчали.
- Я уже говорил вашему Вадим Вадимычу: надо ваших архаровцев хоть иногда в обычные семьи на побывку направлять, чтобы вы знали, что почем.
- Кто такие архаровцы? – проверочно спросил Алекс.
- Примерные, послушные ученики.
- Между прочим, я знаю, кто такой архаровцы. Скажите, почему здесь всегда такая привычка говорить все с насмешкой и обман?
- Петр чуть призадумался: а в самом деле, почему?
- Потому что прямые ответы на прямые вопросы существуют у нас только для детей или полных дебилов. Нам скучно от простых ясных слов.
- А почему всегда много грубые злые ответы? Почему все друг друга так ненавидеть? – Алекс это давно интересовало, только не знал, у кого спросить.
- Я же говорю, скучно нам часто бывает. Вот и создаем себе отрицательные эмоции на ровном месте.
- Зачем надо отрицательные?.. – Парню хотелось все выяснить до конца. – Зачем не хорошие эмоции?
- Пособачимся друг с другом, и жизнь сразу приобретает другие краски, бодрей себя чувствуем. – Зацепин внимательно глянул на своего пассажира – хорошо ли он понимает сказанное. Кажется, Алекс все понимал. – Ты вот еще что, про свой интернат и про Коста-Рику другим тоже не очень много говори.
- Это потому что тайна?
- Нет, потому что будешь выглядеть глупо. Смеяться все будут.
- А что мне говорить?
- Придумай. Четырнадцать лет вот-вот, можешь сам что-то сочинить. Кстати, это хорошее упражнение для развития памяти – запоминать собственную ложь, что ты кому говорил.

Слова об интернате и Коста-Рике совершенно обескуражили Алекса: неужели действительно никого не беспокоит, что он может куда-то сбежать и кое-что порассказать про этот интернат для детей разведчиков, или это какая-то изощренная проверка ему на лояльность к России?

Глава 7

Сначала они заехали в райцентр запастись продуктами. Название «супермаркет» еще не прижилось здесь, поэтому покупали крупы и колбасы в обыкновенном гастрономе. В Москве Алексу уже приходилось бывать в новых торговых центрах, теперь он смотрел, как все это выглядит в ста пятидесяти километрах от столицы. Выглядело неважно: окна, кое-где заделанные фанерой, цементный пол в трещинах и колдобинах, неистребимый запах селедки и квашеной капусты, не очень опрятные продавщицы. Вместо единого торгового зала разные отделы, и в каждом своя очередь.

– Ну вот, посмотришь заодно, как коренная Россия живет, – чуть сконфуженно объяснял Петр своему подопечному.

Коренная так коренная – Алексу было все равно. Сочетание облупленных панельных пятиэтажек с покосившимися бревенчатыми избушками тоже николько не впечатляло – трущобы они и в Коста-Рике были трущобами. Другое обеспокоило его: разглядывая старых толстых некрасивых женщин в безобразных юбках и кофтах, он вдруг с ужасом подумал, что и его родная бабушка похожа на одну из них. Как тогда быть?

Наконец, попрыгав на городском вздыбленном асфальте, «Волга» Зацепина выкатила в пригород. Тут на гравийке тряслось гораздо меньше, зато и пыль поднималась погуще. С одной стороны тянулся бетонный забор какого-то предприятия, с другой – пустырь-выпас, на котором двое мальчишек играли с теленком. Один держал теленка за веревку, а другой старался вскочить на него, как на коня. И уже вскочил, как вдруг теленок рванулся в сторону, «наездник» свалился, «пастух» хотел удержать непокорную скотину за веревку, но тоже упал, и теленок поволок его по траве и коровьим лепешкам.

Алекс, хохоча, едва не вывалился из машины, чтоб проследить за всем этим процессом. Зацепин искося наблюдал и за парнем, и за сценой с теленком.

– Ты бы точно усидел?

Алекс вспомнил о своей замкнутости и обиженности, поудобней откинулся на спинку сиденья и снова наступил.

Баба Дуня во дворе кормила кур. При виде «Волги», остановившейся напротив ее дома, она убрала миску с крупой, с волнением поправила платок на голове и торопливо засеменила открывать калитку.

– Здравствуйте, дорогие мои! А я с утра жду, жду! Думаю, может, что поменялось. Санечка, ну ты прямо богатырь! Настоящий парень уже.

Подойдя к внуку, она крепко обняла его. Алекс не сопротивлялся. К его радости, баба Дуня заметно отличалась от тех старух, что он видел в гастрономе, была худощава, опрятно одета и своим строгим, умным, совсем не простонародным лицом походила на пожилых учительниц в их интернате.

Петр достал из машины сумки с вещами и продуктами и все вместе они пошли в дом. По пути Алекс критически осматривал двор, унавоженный курами, топор в колоде для дров, стеклянные банки и сохнущие целлофановые мешки на штакетнике. В доме его ждала еще большая экзотика: русская печь, иконы с горевшей лампадкой, коллаж из фотографий, размещенных под большим стеклом, самодельные струганые полки, установленные всевозможными банками, вышитые занавески на маленьких окнах...

– А я к вам со своим инструментом. – Петр достал из сумки разводной ключ, паклю и прокладки и направился вместе с хозяйкой в санузел чинить краны.

Копылов, оставшись один, подошел к стенду с фото. Среди десятка снимков на трех или четырех был изображен отец: в пять лет с каким-то другом, в десять в пионерском галстуке,

в двадцать среди солдат-сослуживцев и уже в тридцать в гражданской одежде с годовалым голененьким малышом на руках.

— Это, между прочим, ты, — сказала над ухом подошедшая Евдокия Никитична. — Перед самым отъездом прислал твой папа. — Внук неловко кивнул. — Иди еще наш сад и огород посмотри.

Алекс с облегчением вышел из дома. Куры приветствовали его беспрокойным кудахтанием. Петух пытался сохранить достоинство, но от взмаха руки и он пустился наутек. Странные звуки привлекли внимание Алекса из раскрытой двери сарая. Он вошел и отпрянул от страха — какое-то большое животное издало сильный рев и бросилось всей массой на дощатую перегородку. Присмотревшись, Копылов разглядел в полумраке маленький загон, а в нем средних размеров свинью. Запах стоял невыносимый, и Алекс поспешил наружу. В небольшом саду позади дома находилось несколько деревьев, десяток кустов, целая плантация малинника, аккуратные грядки с огородной зеленью и большой прямоугольник картофеля. Но чего-то тут явно не хватало. Подумав, он понял, что не хватает простого травяного газона. Каждый квадратный метр на участке был отдан лишь полезным культурам. От этого возникало ощущение зажатости и зависимости. Соседние участки выглядели точно так же.

Высокая будка позади сарая привлекла его внимание, открыл и обнаружил летний туалет. Больше смотреть было нечего, и он вернулся во двор. Из дома выглянула бабушка.

— Пирогов-то наготовила. А о главной мужской еде совсем забыла. И ведь с утра рябую подготовила.

Евдокия Никитична достала из-под перевернутой корзины сидящую там рябую курицу. Затем вынесла из сарая небольшой топор и указала на колоду для колки дров:

— На, голову отруби, а то у меня руки совсем трясутся. Только кровью смотри не испачкайся. А я к плите.

Баба Дуня всучила топор вместе с курицей внучку и поспешила в дом. Ей даже в голову не приходило, что четырнадцатилетний парень с этим может не справиться.

Алекс был в растерянности, рубить что-либо мачете ему приходилось, а вот топором — никогда. Но отступать некуда. Наверно, это не сложнее, чем обращаться с мачете. Сначала он несколько раз примерился с ударом топора, получалось вроде как надо, теперь только уложить на колоду курицу. Наконец, поморщившись от брезгливости, он махнул топором. И получилось!

С обезглавленной курицы капала кровь, а ему хоть бы что, только чуть не по себе. Сняв целлофановый пакет со штакетника, чтобы не запачкать пол, он понес свою «дичь» в дом. Там тоже увидел любопытную картинку: агент русской разведки возился с унитазом, как заправский сантехник.

Наконец все унитазы с умывальниками были укrocены и гости с хозяйкой расположились за столом на застекленной террасе. Куриного супа так и не дождались, откушивали в основном те мясные и рыбные нарезки, что Петр купил в гастрономе. Бутылку водки, выставленную бабой Дуней на стол, не откупоривали — капитану предстояло ехать обратно в Москву. Зато два кваса, домашний и привезенный, шли в ход только так.

— А этот угловой диванчик Сережа своими руками сделал, — горделиво говорила Евдокия Никитична. — Тогда большой дефицит был на кухонные диванчики. Он взял доски, рубанок и стамеску и сам все сделал.

Угловой диванчик представлял собой два продолговатых ящика со спинками, соединенных встык друг с другом. Никакой особой красоты в нем не наблюдалось, имело значение лишь то, что «своими руками».

Потом перешли в горницу на диван, застланный ковром. Бабушка показывала внучку семейный альбом. Зацепин, сидя на стуле, крутил в руках кубик Рубика, время от времени поглядывая на Алекса. Кажется, особого отторжения у его протеже не происходило.

— А это их свадебные фотографии, — объясняла баба Дуня. — Сережа еще с длинными волосами. Тогда все под битлов поддевались. Узнаешь отца с такими волосами? Здесь, у танка все молодожены до сих пор фотографируются. А это ты, только что из роддома тебя принесли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочтите эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.